ЕВГЕНИЯ ГАЙДАЙ

Рожденная бездной.

ОТ СМЕРТНОЙ ДО БОГИНИ ЗА ОДИН... ГЛОТОК!

Евгения Гайдай

Рожденная бездной

«Автор»
2026

Гайдай Е.

Рожденная бездной / Е. Гайдай — «Автор», 2026

Быть богиней – это удел рожденных таковыми. Но моя судьба, непредсказуемая сила, выбрала иной, куда более трудный путь. Моя родная планета была уничтожена, а я, чудом выжившее дитя космоса, оказалась в бездне, обреченная на вечное скитание. Миры сменяли друг друга, как страницы в книге, написанной безумным творцом, но нигде я не находила покоя. После долгих блужданий я попала к викингам. Их земли, суровые и прекрасные, были наполнены древними традициями и верой в богов. Их песни о Вальгалле, о битвах и славе, о силе Одина и Тора, казалось, находили отклик в моей душе. Я выучила их язык и обычаи, сражалась вместе с ними, чувствуя, как их мужество и вера проникают в меня. Я даже начала думать, что нашла свое место. Но я ошиблась. Именно здесь, среди этих отважных людей, начался мой настоящий путь. Моя цель была не в их мифах, а в той пустоте, откуда я пришла. И чтобы обрести свое истинное место, мне предстояло пройти через испытания, немыслимые для самых отважных воинов.

© Гайдай Е., 2026
© Автор, 2026

Евгения Гайдай
Рожденная бездной

Глава 1

Я мчалась изо всех сил, петляя по запутанным коридорам, отчаянно ища выход. За спиной раздавалось дикое улюлюканье и злобный лай преследователей, подстегивая меня сильнее любого кнута. Ноги были стерты до крови, грудь сдавливало от нехватки воздуха, а спина ныла от ран. Грубая ткань рубахи, пропитанная кровью, липла к телу, словно вторая кожа. Желание сдаться, бросить все и упасть на землю, было почти непреодолимым. Но мысль о том, что ждет меня в случае поимки, заставляла двигаться дальше, несмотря ни на что.

Очередной поворот, и я уперлась в глухую стену. Тупик. Бежать больше некуда. Возвращаться – значит встретиться лицом к лицу с моими мучителями. Я была в ловушке, без единого шанса на спасение. Казалось, даже высшие силы отвернулись от меня.

Опершись о холодный, шершавый камень, я закрыла глаза, пытаясь отдышаться и смириться с неизбежным. Неужели это конец? Неужели моя жизнь оборвется так бесславно, в этом забытом богами месте? Прохлада камня приносила лишь мимолетное облегчение, притупляя боль.

Приближающийся лай гончих псов уже не внушал страха. Не было желания открывать глаза, чтобы не видеть самодовольные рожи охотников за головами.

Стоило мне внутренне принять неизбежное, как судьба решила сыграть свою партию.

Холод земли остался прежним, но звуки погони, еще недавно оглушавшие, теперь казались призрачными и далекими. Разочарованный скулеж собак, потерявших след, доносился откуда— то из— за спины, словно они не понимали, как я могла исчезнуть. Открыв глаза, я осознала, что каким— то чудом оказалась по другую сторону преграды.

Все тело ломило, словно меня пропустили через жернова. Ноги и руки онемели, не слушались, отказывались подчиняться.

— Потерпи. Скоро станет легче, — прошептал голос, словно сотканный из самой темноты, и мое сердце екнуло.

— Кто ты? — спросила я, пытаясь пронзить взглядом ночную пелену, но она надежно скрывала собеседника.

— Это не имеет значения, — прозвучал ответ.

В глубине души зародилось едва уловимое раздражение. Мои врожденные способности, казалось, покинули меня, сделав беспомощной.

Ах да, позвольте представиться. Я — беглец из мира, где люди смешивали свои гены с животными. Мне досталась доля, полная острых когтей, звериной реакции и слуха, а также симпатичных клыков, которые я научилась прятать от любопытных глаз.

В том мире мы, метаморфы, были клеймом уродства, обреченные на рабство. Поэтому я не испытывала ни малейшей тоски по родине, которая, к тому же, давно растворилась во времени и пространстве, поглощенная бездной черной дыры. Мне удалось вырваться из этого хаоса, и с тех пор я скиталась по просторам галактик в поисках пристанища, которое смогла бы назвать домом.

На этот раз я была уверена, что мне повезло – нашла себе местечко во вселенной, где меня, видимо, ждали. Ага, как же! Местные обитатели решили, что я – злодейка, которую надо бы прикончить. Но сначала, конечно, "очистить" мою грешную душу всякими приятными процедурами. В общем, полный "светлый" праздник.

— Хотя бы имя свое назови?

— Тебе оно ни к чему.

— Не скажи. Хотелось знать, как зовут того, кто меня спас.

Незнакомец присел рядом. Его лицо скрывал глубокий капюшон, оставляя черты в тени.

Моя очередная попытка подняться оказалась тщетной. К тому же, даже эти слабые движения вызывали мучительную боль во всем теле.

— Я же сказал, не двигайся. Дай телу прийти в себя. Его только что пропустили сквозь структуру камня.

На моем лице отразилось неподдельное удивление.

— Ты знаешь, что такое молекулы? Не пойми меня неправильно. Просто все, кто здесь живет, как бы это сказать, не слишком образованы.

— А почему ты решила, что я местный?

— Потому что я никогда не встречала гостей из других реальностей. Так кто же ты?

— Я страж, оберегающий миры. И моя задача – поймать тебя. Как только твое тело наберется сил, мы отправимся туда, где тебя будут судить за твои преступления.

— Хуже и быть не может. Сбежала из одной темницы и тут же угодила в другую.

— Прямо в точку.

Ну и дела... Как же я могла подумать, что мне наконец— то повезло? Но даже осознав, что вляпалась по полной, мое любопытство никуда не делось.

— Позволь узнать, в чем именно меня обвиняют?

— Всему свое время.

— Слушай, а может, ты меня отпустишь? Я, конечно, могла что-то там нарушить, но ведь ничего страшного не случилось. Миры целы, никто не погиб.

— Это не в моей власти. Хватит разговоров. Нам пора.

Он крепко схватил меня чуть выше локтя и резким движением поднял мое ослабленное тело. Онемение уже прошло, и я уверенно стояла на ногах.

В его руке появилось небольшое устройство, похожее на тонкую пластину с мерцающим кристаллом в центре. Сердце екнуло. У меня был точно такой же, но его отняли местные, не дав мне даже шанса им воспользоваться, и сломали. Щелчок кнопки – и воздух перед нами заискрился, открывая портал. Он не отпустил моей руки, когда мы шагнули в эту мерцающую рамку. Перемещение было мгновенным. Мы оказались посреди разрушенного мира. Везде, куда ни глянь, простиралась бескрайняя пустыня из камней и обломков. Над головой небо играло всеми цветами радуги, а сквозь это сияние проглядывали мириады звезд. Единственным целым объектом в этом хаосе была возвышающаяся впереди башня из черного мрамора.

— Что это за место?

— Сердце Вселенной. Здесь время остановилось, и отсюда Хранитель Миров следит за порядком. Его башня — центр управления и тюрьма для таких, как ты.

— Что-то тут не очень— то презентабельно. И, судя по этому апокалипсису в миниатюре, он не слишком— то усердствует. Горы мусора, обломки… Ему бы сначала здесь генеральную уборку устроить, а потом уже за вселенные браться.

— Что еще можно было ожидать от примитивной особи? Только перлы мудрости.

— Да уж, куда мне до вас, просветленных. Ладно, веди меня к своему главному по тарелочкам.

Наш путь занял буквально пару минут. Башня оказалась на удивление близко.

При нашем приближении исполинские ворота с грохотом распахнулись. Я слегка поморщилась от скрипа, который, казалось, мог пробить барабанные перепонки.

Внутри царила девственная пустота. Единственным архитектурным изыском была массивная кованая винтовая лестница, уходящая куда— то в бесконечность. Я скептически подняла взгляд.

— Только не говори, что нам туда. Твой Хранитель не мог построить что-нибудь поскромнее? Или хотя бы лифт установить для удобства трудящихся?

— Ты можешь хоть на секунду заткнуться? Твоя болтовня — это пытка!

— Ты не первый, кто мне это сообщает. Отпустил бы, и не пришлось страдать.

— Не судьба. Идем.

Этот подъем был настоящим кошмаром. После первой тысячи ступенек я уже мечтала просто спрыгнуть вниз, лишь бы не видеть эту чертову бесконечную лестницу.

— Все! Я больше никуда не пойду! — Я рухнула на ступеньку, совершенно вымотанная.

— А ну вставай, или я тебя в лепешку раскатаю!

— И не подумаю! Если твой Хранитель так хочет меня судить, пусть сам сюда топает!

Раздался тихий рык, и стражник, схватив меня за воротник, грубо поставил на ноги. От резкого движения капюшон сполз, и я смогла рассмотреть его. Высокий мужчина, около тридцати. Русые волосы, аккуратная стрижка. Грубые черты лица, отмеченные широким шрамом, который, впрочем, не портил его, а скорее придавал мужественности. Карие глаза смотрели строго, а плотно сжатые губы выдавали сдерживаемый гнев.

Если бы не обстоятельства, то он вполне мог мне понравиться. Я всегда испытывала некоторую слабость к брутальным мужчинам.

Не произнеся ни звука, он потащил меня дальше. Еще тысяча шагов вверх, и мы наконец достигли просторной площадки на самой вершине. В центре ее стоял трон, на котором сидел старец с длинной седой бородой, облаченный в просторный балахон. Вокруг него клубились тонкие, переливающиеся нити. Одни словно светились изнутри, другие казались совершенно обычными, третьи сплетались в причудливые узоры, чтобы тут же рассыпаться в мерцающую пыль. Они занимали почти все пространство, за исключением самого дальнего уголка.

— Хранитель, — произнес страж, склоняясь на одно колено в знак почтения. Я была вынуждена последовать его примеру, так как он все еще крепко держал меня за воротник.

Старик окинул нас взглядом, в котором читалось легкое недовольство.

— Я уже извелся в ожидании.

Его голос был скрипуч, словно несмазанные петли древних врат.

— Извините, но с этой бестией возникли трудности. Она умудрилась сбежать из темницы еще до того, как я туда добрался. Пришлось изрядно побегать, чтобы ее выследить.

— Всего лишь отговорки, — перебил старик. — Но все же ты ее привел. Так что прощаю на этот раз.

— Спасибо за понимание.

— Хватит благодарить. Веди сюда эту проказницу. Хочу на нее поглядеть как следует.

Поднявшийся страж небрежно подтолкнул меня вперед.

— Ну— ка... я думал, ты повыше будешь... и чуток побольше, — протянул старик, оценивающе скользя взглядом по моей скромной персоне.

— А мне думалось, что Вы будете моложе, — парировала я.

— Смелая, но глупая. Ты хоть знаешь, с кем говоришь?

— Если я правильно поняла, Вы тут вроде как главный по разбору полетов. Хотя, честно говоря, звучит как полная чушь.

— Отчего же?

— Вселенная – это же бесконечное пространство с миллиардами галактик и планет. И вы хотите сказать, что какой— то дедуля в тряпках может отслеживать каждого, кто тут нарушает правила? Это возможно только если он какой-нибудь волшебник, а волшебства, как известно, не существует. Есть только наука, и это факт!

— Дитя прогресса, — старик криво усмехнулся. Его слегка позабавили мои слова. — Но знаешь, я тебя разочарую. Наука и магия – это две стороны одной медали, в любой реальности.

— Ну да, конечно, — ответил я. — А где же доказательства, что магия вообще существует? Вот, скажем, портативная телепортационная установка. Для средневекового человека это было бы чистым волшебством, а на деле – просто научный прорыв. Ладно, не будем спорить. Каждый верит, во что хочет. Но мы отвлеклись. Может, мне наконец— то объяснят, в чем я провинилась?

— Ах, да. Твоё злодеяние ещё не совершено, но когда оно произойдёт, это перевернёт судьбу целой вселенной.

— В корне не согласна с обвинением! Я ещё ничего не сделала, а меня уже судят!

— Лучше предотвратить беду, чем потом расхлёбывать её последствия.

— А что, если я дам слово, что не стану вмешиваться в ход грядущих событий?

— Увы, это невозможно. У каждого свой путь. Чтобы разорвать цепь предначертанного, необходимо устранить лишний элемент.

— И что меня ждёт? Смерть?

— Если бы всё было так просто. Хотелось бы, но нет. Тебя запрут в клетке, где ты будешь доживать свой век.

— Подобное решение проблемы мне совершенно не по вкусу.

— Мне оно тоже не нравится. Но ничего не поделать.

— Может, ещё подумаете? Потому что я не собираюсь проводить свою жизнь в камере.

— Извини, но твои желания не учитываются. Кстати, о побеге можешь даже не думать. Благодаря смеси настоек, которыми тебя опоили, твои способности весьма ограничены.

— Ох, моя благодарность просто зашкаливает! Но как же быть со свободой выбора и прочими принципами?

— Выбор у тебя был. Могла бы остаться и погибнуть вместе со своей планетой.

— Это, мягко говоря, крайне сомнительный вариант.

— Тем не менее, он был. А теперь спускайтесь на нижний уровень. Камера уже ждёт.

— На нижний уровень? Боюсь даже спрашивать, где это находится.

— Как где? Под башней, разумеется, — ответил старец.

— И, конечно же, туда ведёт лестница…

— Естественно.

— Да вы издеваетесь! — застонала я. — Неужели вам неизвестны механизмы, способные перемещать людей на значительные расстояния без физических усилий? Например, лифт! Ходьба по вашим лестницам измотает любого ещё до вынесения приговора!

— Хм… А в этом есть что-то разумное. Хорошо, я приму это как твоё последнее желание. А теперь уходите!

Меня грубо схватили за руку и потащили прочь.

Оказавшись в холле, страж открыл проход в стене, нажав на еле приметное углубление.

Я тяжело вздохнула. Единственным плюсом во всём происходящем было то, что предстояло спускаться, а не карабкаться вверх.

Пока меня конвоировали к месту заключения, я погрузилась в глубокие раздумья. Идея провести бесконечность в заточении была неприемлема, и я осознавала необходимость срочно что-то предпринять.

Глубоко внизу, как и положено таким местам, воздух был пропитан сыростью. Узкий проход, зажатый между камерами, где вместо решеток пульсировали силовые поля, был погружен в зыбкий полумрак. Зато сами камеры, вопреки ожиданиям, были залиты светом. Здесь томилось около двух десятков душ. В основном это были люди, но среди них мелькали и создания, чьи формы были мне совершенно незнакомы.

Мои «апартаменты» располагались в дальнем конце коридора. Страж приложил ладонь к серебристой панели, и силовое поле исчезло.

— Твое новое пристанище, — сказал он, отходя в сторону. — Располагайся. Кормить тебя будут согласно виду, три раза в день. Как говорится, добро пожаловать.

— А прогулок на свежем воздухе не предусмотрено? — с едкой ноткой в голосе поинтересовалась я.

— Почему же? Тебя могут выводить наверх, но я бы посоветовал воздержаться.

— Отчего же?

— Боюсь, стоимость этой услуги тебя не устроит.

— Жаль. Я бы с удовольствием полюбовалась на местные красоты, особенно в твоей чудной компании.

— Я страж, не надзиратель. С ним тебе еще предстоит познакомиться. И мой тебе совет: придержи язык. Он не так терпелив, как я.

Развернувшись, он ушел. Мое новое пристанище было весьма скромным: узкая кровать у стены, стол, стул и несколько полок. В углу, за ширмой, обнаружились удобства.

— Бывало и хуже, — пробормотала я.

— Думаешь?

Перед силовым полем стоял приземистый, коренастый мужчина в кожаных доспехах. Его одутловатое лицо и тучная фигура свидетельствовали о любви к излишествам. Маленькие глазки, скрытые под густыми бровями, хищно поблескивали. На бедре висел туго свернутый кнут.

В руках он держал сверток.

Я изо всех сил постаралась изобразить максимально дружелюбную улыбку.

— Если сравнивать с моим прежним обиталищем, то это место — настоящий рай. Вы, должно быть, надзиратель?

— Совершенно верно. Это моя территория, и отныне ты находишься под моим полным контролем. Я принес тебе все необходимое: подушку, одеяло и новую одежду. Еще тут есть кусок мыла. Иди, помойся, а то вид у тебя ужасный. Потом расскажу, как тут жить надо.

Затем он извлек из кармана небольшой серебряный куб и приложил его к силовому полю. При контакте с тусклым свечением его металлические грани начали трансформироваться в тонкую рамку. Просунув сверток через образовавшийся проем, надзиратель активировал кнопку, и рамка мгновенно свернулась.

Осознав, что мой тюремщик не намерен покидать помещение, я издала глубокий вздох. Убрав постель, ополоснув лицо и руки, я облачилась в серую робу.

— А ты очень даже миленькая.

Я постаралась не выдать своего раздражения, ведь этот отвратительный тип мог оказаться полезным.

— Ты тоже ничего. Так какие правила здесь следует соблюдать, чтобы жить, как в сказке?

— Ну, для начала запомни, что обращаться ко мне нужно не иначе как «Хозяин» и только с моего дозволения. Тут я решаю, что и когда ты получишь. Будешь плохой девочкой — лишишься еды и воды, а также удобств. Все мои приказы выполняются беспрекословно. Если хочешь что-либо получить, придется заплатить. Уяснила?

— Более чем, Хозяин, — ответила я, в то время как в моей голове уже созревал коварный план, где этот урод мог сыграть далеко не последнюю роль.

— Думаю, мы с тобой поладим. — Надзиратель довольно хрюкнул и, развернувшись, направился прочь.

От накатившей усталости я упала на кровать и прикрыла глаза. Искалеченная спина всё ещё саднила, а отсутствие способностей делало меня уязвимой. Но это всё отступало на второй план перед возможностью хорошенько выспаться.

***

Тихий, надрывный стон из соседней камеры вырвал меня из забытья. Я повернула голову, но тут же отвернулась, чувствуя, как внутри всё сжимается от отвращения к происходящему. Примерно через десять минут надзиратель, насвистывая и поправляя свой пояс с кнутом, вышел из темницы.

Когда его шаги затихли вдали, я поднялась и подошла к мерцающему силовому полю. Напротив моей темницы, в такой же клетке, находилась другая девушка.

— Эй! Ты как?

Соседка всхлипнула и медленно села, с трудом застегивая пуговицы. Я нахмурилась. Это было привычное зрелище. Красивых девушек— метаморфов часто использовали для удовлетворения чужих желаний, зачастую насильно. Меня же, благодаря моей редкой способности, эта участь миновала. Хозяин ценил меня и защищал.

— Как тебя зовут? — Сердце моё сжималось от жалости к этой девушке.

— Рейва. А тебя? — Голос несчастной прервался всхлипом.

— Мара. Ты человек?

— Да. А ты?

— Я метаморф.

— Что за существа эти метаморфы? — В глазах моей спутницы вспыхнул огонёк неподдельного интереса.

— Как бы объяснить... Моя природа — это слияние человека и кошки.

— Как необычно! Расскажи о себе.

Я позволила себе беззвучную улыбку. В этой девушке пульсировал яркий, пытливый ум. Она жадно впитывала каждое мое слово. Ее глаза горели истинным, нефальшивым интересом. И когда я приоткрыла завесу, явив ей свои клыки и когти, она взорвалась чистым, неистовым восторгом. Словно тот мрак, что окутывал ее, был развеян без остатка, и от пережитого кошмара не осталось и следа.

— Ты просто потрясающая! Как же так вышло, что ты здесь оказалась?

— Меня признали виновной в деянии, которое я еще не совершила, но которое мне предначертано совершить.

— Вот это да! Впервые вижу, чтобы карали за то, что еще не произошло.

— Сама в шоке, — усмехнулась я. — А в чем твоя провинность?

— За попытку изменить нити судьбы. Но меня схватил страж и привел к Хранителю, не дав завершить начатое. Все бы получилось, если бы не этот трусливый божок Алдр.

— Разве боги – это не вымысел?!

— Конечно! Их великое множество, и они правят в разных мирах.

— Получается, и тебя наказали за то, в чем ты не виновата?

— В некотором роде.

— Каким образом тебе удалось обнаружить это полотно?

— Я, можно сказать, ведьма. Для меня не составляет труда найти что угодно и где угодно.

— Постой. Ты обладаешь магическими способностями?

— Уточню: обладала, — Рейва продемонстрировала тонкий браслет из черного металла. — Это устройство полностью лишает меня сил. Иначе этот грубиян не осмелился бы войти.

— Поведай мне о надзирателе.

— Рассказывать особо нечего. Он рожден от союза божества и смертной женщины. Отцовских сил ему не досталось, кроме вечной жизни. Однако он унаследовал все уязвимости и пороки своей матери. Презираемый людьми и богами, он оказался здесь. Хранитель проявил к нему милосердие и назначил надзирателем в своей темнице, наделив неограниченной властью над заключенными.

Часы пролетели незаметно в беседе с Рейвой, пока нам не принесли ужин. На тарелке дымилась серая субстанция, смутно напоминающая овсянку, и кусок чего-то мясного. Голод был настолько силен, что я забыла о привередливости и съела все до последней крошки.

Сразу после ужина надзиратель вывел одного из наших соседей по темнице. В глазах оставшихся читалась безмерная скорбь. Я спросила Рейву, куда увели несчастного. Она опустила взгляд и тихо произнесла: "В небытие".

— Что это значит?

— Это место – забвение, где время и пространство растворяются. Оттуда нет пути назад, нет шанса на новое начало. Все, что туда попадает, стирается навечно.

— Мрачная перспектива.

— И не говори. Почти каждого в этой тюрьме ждет подобная участь, включая меня. Но никто не знает, когда именно приговор будет приведен в исполнение.

— А были попытки сбежать?

Ведьма испуганно округлила глаза.

— Что ты! Отсюда нет выхода! Даже если удастся снять силовое поле, единственный путь к свободе – через портал. Но он заперт, а ключ есть только у надзирателя.

— А этот портал может перенести куда угодно?

— Теоретически да. Но еще никому не удавалось выйти из камеры, не то что из подземелья.

Уголки моих губ изогнулись в лукавой улыбке. В голове уже сложилась безупречная стратегия.

***

Утро после решения о побеге ознаменовалось началом активной подготовки. Мой разум жаждал знаний о межпространственных вратах и неизведанных мирах, ибо просто вырваться из оков было лишь половиной пути. Мне предстояло отыскать пристанище, где тень Хранителя и его приспешников не смогла бы меня настигнуть.

Несколько дней я была воплощением невинности и покорности. Мое безупречное поведение стало ключом к сокровищнице знаний: надзиратель, в своей наивности, снабжал меня книгами, которые раскрыли передо мной бескрайние просторы вселенной. Так я узнала о существовании миров, куда власть Хранителя не простиралась, словно туман, рассеивающийся на ветру.

Взгляды тюремщика, словно хищника, становились все более откровенными, и его грязные намерения были очевидны. Однажды он переступил порог моей камеры, намереваясь осуществить свои низменные желания. Но Рейва в последний момент разыграла сцену предсмертных конвульсий, вырвав меня из лап нежелательной участи.

За последние дни я очень сблизилась с ведьмой. Мы обсудили возможность побега, и она охотно согласилась участвовать в предстоящей авантюре. Нашей целью было вместе покинуть это ужасное место. Однако этим планам не суждено было осуществиться. Однажды утром надзиратель забрал ее, и я больше никогда не видела свою союзницу. Впервые я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Оправившись от потрясения, я приняла решение бежать самостоятельно. В назначенный день я с нетерпением ждала ужина, зная, что всего пара моих взглядов приведет надзирателя прямо в мою камеру. И не ошиблась.

— Ну что, кошечка, готова поиграть с котиком? — промурлыкал он, прижимая меня к себе с такой силой, что я едва сдержала рвотный позыв. Вернувшееся обоняние превратило эту близость в невыносимую пытку. Я ловко вывернулась из его удушающих объятий и отскочила.

— Я бы предпочла не предаваться плотским утехам на глазах у всех. Не найдется ли у нас более укромное местечко?

— Да брось. Чего нам стыдиться? Пусть смотрят и завидуют, — надзиратель вновь постарался меня поймать, но я успела увернуться.

— И все же, я настаиваю, — прошептала я, стараясь придать голосу максимальную невинность. — Пощадите мою девичью честь, ведь это мой первый раз.

— Неужели ты…?

— Именно так, — скромно ответила я. — Хочу романтики: свечи, чистые простыни. Выполни мою прихоть в обмен на ночь любви. Если подсыпать снотворное остальным, никто не узнает о моем побеге. А утром вернешь меня обратно.

Надзиратель колебался. Собрав всю свою решимость, я зажмурилась и прижалась губами к его небритой щеке.

Это сработало безотказно. Пообещав вернуться за мной позже, он поспешил наверх.

Через пару часов он вернулся и начал разливать воду, в которую был добавлен сонный порошок. Я терпеливо ждала. Когда заключенные погрузились в глубокий сон, он отключил силовое поле и, крепко схватив меня за руку, потащил наверх.

Оказавшись в знакомом холле, я едва сдержала радостный возглас. Но праздновать было рано. Впереди меня ждало самое сложное: найти ключ к порталу и незаметно покинуть это измерение.

Как и вход в подземелье, дверь в спальню была замаскирована в стене. Комната оказалась тесной и обставленной весьма скромно. Тем не менее, надзиратель явно постарался: повсюду горели свечи, а кровать была застелена хоть и старым, но чистым бельем. Но на этом иллюзия порядка рушилась, уступая место отвратительной реальности. Пол был усыпан объедками, грязной одеждой и грудами мусора. В углу стоял шкаф, битком набитый непонятными лохмотьями и шкурами.

Меня пробрала дрожь, будто я оказалась в склепе. Судорожный вдох сорвался с моих губ, выдавая скрытое волнение. К счастью, надзиратель не обратил на это внимания.

— Как насчет того, чтобы немного освежиться?

— Зачем? Я мылся всего месяц назад! Давай лучше перейдем к сути дела.

— Тем не менее, я настаиваю. Ты так долго ждал, неужели еще несколько минут станут проблемой?

— Ни за что! Я уже еле сдерживаюсь от нетерпения!

— И все же, отправляйся в ванну, а я присоединюсь к тебе через пару минут.

Он недоверчиво посмотрел на меня и, подойдя к двери, провел рукой над сенсором, запирая ее на засов.

— Хорошо, — сказал он и скрылся в небольшой комнатке, прикрытой тонкой шторкой.

Как только раздался плеск воды, я метнулась к двери, но сенсор не реагировал на мои прикосновения. В панике я огляделась по сторонам. Нужно было что-то придумать. Запертая дверь не входила в мои планы, как и близость с этим мерзким отродьем. Мой взгляд случайно остановился на запотевшей бутылке, в которой плескалась какая— то мутная жидкость. Откупорив ее, я ощутила резкий, проникающий в ноздри запах прокисшего вина. И тут же в моей голове вспыхнула идея.

Я сосредоточилась, пытаясь уловить в воздухе тонкий аромат снотворного, который, к счастью, запомнила еще в подземелье. Через несколько мгновений заветная коробочка оказалась в моих руках. Я схватила бутылку, щедро высыпала в нее порошок и принялась энергично ее встряхивать.

Расстегнув верхние пуговицы, я глубоко вдохнула и вошла в помывочную. В центре стояла огромная лохань с грязной водой, в которой едва помещался надзиратель.

— Говорят, прелюдия важна, — промурлыкала я, зубами откупоривая бутылку. — Как насчет вина?

— Баба, не вино мне нужно, а обещанное!

— Пара глотков не повредит. Или вино ослабляет тебя?

— Не болтай глупостей! Дай сюда! Я покажу тебе, что значит мужчина! Вино мне нипочем!

Он залпом выпил все. Хорошо, что он не видел моей злорадной улыбки.

Теперь оставалось только ждать, когда порошок начнет работать. Надзиратель вылез из лохани, и я чуть не прыснула – вот теперь— то я поняла, откуда у него эти "комплексы бога".

— Ну а теперь, пошли в кровать! И я больше не хочу слышать ни о каких глупостях!

Я нервно сглотнула подступивший к горлу комок. Почему снотворное не действует, ведь там доза, способная вырубить слона. А этому хоть бы что! Неужели у него иммунитет? Что же, придется действовать по старинке, только нужно найти что-нибудь потяжелее.

Но, к счастью, до этого не дошло. Надзиратель застыл, как будто окаменев, а потом, потеряв опору, с грохотом рухнул обратно в воду. Комнату наполнил такой оглушительный храп, что казалось, стены дрожат.

Убедившись, что этот громила больше не представляет угрозы, я вернулась в комнату. Теперь каждая секунда была на счету.

Я потратила немало времени на поиски, но, наконец, мне повезло – ключ был найден. Схватив его, я уже предвкушала свободу, но тут вспомнила: дверь-то заперта.

Вернувшись к лохани, я задумалась над сложившейся ситуацией. Мысль об отсечении руки, сколь бы заманчивой она ни казалась, пришлось отвергнуть. С огромным трудом мне удалось извлечь тело надзирателя из воды. Затем, потратив еще около четверти часа, я подтащила его к двери. Но это было лишь начало моих испытаний. Руки тюремщика оказались на удивление короткими, и, несмотря на все мои усилия, его ладонь никак не могла дотянуться до панели. Пришлось искать иное решение. Я кое— как прислонила его безвольное тело к стене, уже предвкушая победу. Однако радоваться было преждевременно. Надзиратель издал невнятный звук, сполз вниз, обхватив мою ногу. Я застонала от отчаяния. Как всегда, удача решила обойти меня стороной. Осторожно высвободив ногу из ботинка, я вновь постаралась усадить увесистую тушу. На этот раз все сложилось удачно, и я смогла дотянуться его пятерней до панели.

Дверь бесшумно скользнула в сторону, открывая путь к вожделенной свободе.

Миновав холл и распахнув тяжелые ворота, я оставила позади уютное убежище Хранителя. Но свобода принесла с собой новые испытания. Из прочитанных книг я знала, что башня покоится на дрейфующем фрагменте планеты. Достаточно было подняться на ближайшую возвышенность, чтобы охватить взглядом весь ее простор. Однако, как ни старалась я отыскать среди унылого ландшафта врата в иные миры, их нигде не было.

Опустившись на обломки, я извлекла из кармана восьмигранный медальон— ключ. Маленький кусочек металла, испещренный витиеватыми письменами, тускло мерцал в моих руках. Где же искать этот портал? Ответ пришел неожиданно: приглядевшись к узору, я вдруг вспомнила, что нечто подобное было выгравировано на воротах башни.

Пришлось вернуться, чтобы проверить свою догадку. Тщательно осмотрев каждый сантиметр поверхности, я обнаружила углубление, точно повторяющее форму медальона.

Вложив его в ложбинку и повернув так, чтобы символы на нем и на воротах в пересечении образовывали название измерения, в которое мне предстояло отправиться, я толкнула створки.

Передо мной возникло мерцающее окно в иное пространство, переливающееся всеми гранями пурпурного цвета.

— Только посмей ступить туда, и горько пожалеешь.

Обернувшись, я встретилась глазами со стражем, который когда-то доставил меня на судебное разбирательство.

— Опять ты. Неужели тебе больше некого преследовать? Что тебе нужно?

— Моя миссия — оберегать вселенную от подобных тебе. И я привык выполнять ее добросовестно. Хранитель сохранил тебе жизнь, но попытка к бегству влечет за собой смертную казнь.

— Разве я совершаю побег? Если рассудить, покинуть темницу самостоятельно невозможно. Отсюда следует, что меня освободил надзиратель. Так что, по сути, это не побег.

— Неужели? Тогда давай обратимся к нему лично. И если он подтвердит твои слова, я сам сопровожу тебя в измерение, которое ты выбрала.

— Заманчивое предложение, но я уже сполна насладилась вашим местным гостеприимством. Так что прощай.

Развернувшись, я шагнула в портал. Но страж не сдался и метнул кинжал мне в спину. Острый клинок вонзился в мое плечо, причинив нестерпимую боль. Но что значили эти пустяки, когда за пеленой неизвестности меня ждала долгожданная воля?

Мидгард

Глава 2

С трудом разлепив веки, я увидела над собой свинцовое небо, готовое в любой момент обрушиться на землю потоками дождя. Ветер играл с моими волосами и проникал под одежду, но, к моему удивлению, не приносил холода. Где-то вдалеке слышался рокот волн, разбивающихся о скалы. А в воздухе витал терпкий аромат морской соли и цветущего вереска.

Приподнявшись, я издала стон, вызванный острой болью в раненом плече. Здоровой рукой нащупав холодную рукоять кинжала и, стиснув зубы, я одним движением извлекла обоюдоострый клинок.

Первые тяжелые капли дождя, словно предвестники бури, упали на мое лицо. Что-то было не так. Оглядевшись, я нахмурилась. Портал должен был перенести меня поближе к городу, но я оказалась на краю скалистого обрыва, где лишь чахлая трава цеплялась за камни.

Решив, что ошиблась с координатами, я встала. В душе теплилась надежда, что город окажется за ближайшим холмом. Дождь усиливался, и моя одежда быстро промокла. Ноги скользили по влажной траве и вязли в грязи, но я продолжала идти.

Но мои ожидания не оправдались. За возвышенностью не оказалось ни города, ни каких-либо следов цивилизации. Впереди простирались только хребты холмов.

Я почти потеряла сознание, когда сквозь шум дождя до меня донеслись человеческие голоса.

Приложив неимоверные усилия, я поднялась на земляной вал. С его вершины открылся вид на небольшое поселение, состоящее из грубо сколоченных домов. Над крышами вился дым, разнося ароматы жареного мяса и свежеиспеченного хлеба.

В центре деревни возвышался большой двухэтажный дом, обнесенный крепким бревенчатым забором.

Что ж, как говорится, на безрыбье и рак — рыба. По крайней мере, здесь я смогу восстановить силы, прежде чем продолжить свой путь. Среди камней я заметила извилистую тропинку.

Ну, спуск был быстрым – всего пара минут. Спасибо скользкой земле и крутому склону, они очень помогли. В общем, я была еще та картина маслом: вся в грязи, хоть выжимай, с расцарапанным лицом и дыркой в плече. Видок, прямо скажем, не для слабонервных.

Подойдя к главному дому, откуда доносились голоса, я постучала. Спустя несколько минут мне открыли. Невысокая девушка лет пятнадцати смотрела на меня с интересом.

— Кто ты?

— Я всего лишь странница, сбившаяся с пути. Не найдется ли у вас, случайно, свободной комнаты для ночлега?

— Больше на бродяжку похожа. Но ладно, заходи. Нельзя же тебя на улице оставлять в такую погоду.

Девушка отошла в сторону, впуская меня.

Ощущение тепла и света обволакивало с порога, смешиваясь с гулом множества голосов. Взгляд скользнул по гобеленам и деревянным щитам на стенах, а мягкое сияние масляных ламп дарило чувство глубокого уюта. В сердце огромного очага, на вертеле, поджаривалась туша дикого вепря, источая дразнящий аромат.

За длинным столом, что стоял в центре зала, собралось около тридцати мужчин. Их одеяния – от блестящих кольчуг до грубых домотканых рубах – создавали пеструю картину. Они были поглощены жаркой беседой, их голоса сливались в гул. Во главе, словно грозный властелин, восседал рыжебородый великан. Его лицо, изборожденное шрамами, было воплощением суровой мощи и могло вызвать панику у неподготовленного наблюдателя. Кожаные доспехи подчеркивали его силу, а висящие на резном кресле ножны с мечом служили немым напоминанием о его воинской доблести.

Женщины в длинных платьях из грубой ткани прислуживали за столом, поднося тарелки с едой и кувшины с питьем.

При моем появлении все стихло. Даже огромные собаки, которые до этого дрались за брошенную им кость, замерли.

В моей голове шевельнулось нехорошее предчувствие.

— Приветствую вас! Я, кажется, совсем потерялась и, как назло, попала под ливень. Если вы не против, я была бы безмерно благодарна за ночлег.

Меня немного напрягало пристальное внимание присутствующих, но я держалась изо всех сил. Выйти на улицу в такую погоду – последнее, чего бы мне хотелось.

— Кто ты такая? – Мужчина, который, судя по всему, был главным, первым нарушил молчание.

— Меня зовут Мара.

— Откуда ты пришла?

— Из дальних краев, о которых вы вряд ли слышали. Но с радостью поведаю вам свою историю после того, как поем и обсохну.

— С чего это я должен кормить какую-то оборванку?

— Денег у меня и правда нет, но я обладаю знаниями, которые могут быть вам полезны. Думаю, их будет достаточно, чтобы оплатить ночлег и сытный ужин.

— Сильно сомневаюсь. Ты больше похожа на сбежавшую рабыню, чем на какую— то важную персону. Наверняка, твой хозяин уже ищет тебя. Думаю, он хорошо заплатит за твой возврат.

Меня охватило тревожное предчувствие. Кто знает, чем бы обернулось происходящее, если бы не возникла она – миниатюрная, грациозная дама средних лет. Ее облик поражал воображение. Алое платье из тонкой шерсти, струящееся по телу, словно вторая кожа, идеально подчеркивало ее стать. Золотое шитье на поясе, рукавах и лифе платья сияло, притягивая взгляд. А волосы, черные, как безлунная ночь, заплетенные в замысловатую косу, были усыпаны жемчугом, мерцающим в полумраке.

Она величаво прошла по залу и заняла место по правую руку от великана.

— Что за очаровательная гостья? – Ее голос был тих, но проникал в каждый уголок огромного дома.

— Похоже, это сумасшедшая рабыня, моя госпожа, — ответил мужчина.

— Боюсь, ты ошибся, — произнесла она, не отводя от меня взгляда. — Она совсем не похожа на рабыню. Обрати внимание на ее осанку. Она не сутулится, не склоняет головы и не отводит глаз, когда к ней обращаются. Кто ты, дитя?

— Меня зовут Мара, — повторила я, завороженная ее красотой.

— Я — Зельма, хозяйка этого дома и жена Алрика, вождя нашего племени. Твои дрожь и бледность говорят о том, что ты нуждаешься в тепле и пище. Ика, позаботься о нашей гостье: проводи ее в помывочную и обеспечь чистой одеждой. После этого я хочу услышать ее историю.

И никто из присутствующих не посмел ей возразить. Даже вождь сидел молча, отведя взгляд в сторону. Только нахмуренные брови говорили о его недовольстве.

Ко мне подошла девушка, которая впустила меня, и, схватив за руку, потянула за собой. Но едва она это сделала, как я вскрикнула от боли. Рана в плече снова открылась.

Госпожа вскочила со своего места, увидев кровавое пятно. Она что-то говорила, но я уже не разбирала слов. Мое сознание потухло, и я провалилась во тьму.

***

Неровный свет от ламп отбрасывал причудливые тени. В очаге весело потрескивал огонь. Я лежала на широкой кровати, укрытая мягкими шкурами. Нестерпимо хотелось пить. Сидевшая рядом женщина протянула мне чашу, наполненную родниковой водой.

Утолив жажду, я откинулась на подушки, разглядывая свою спасительницу.

— Как долго я была без сознания? — Мой голос звучал слегка хрипло.

— Несколько часов. Но хвала Одину, твоя рана оказалась не смертельной. А теперь спи. Тебе надо набраться сил.

— Почему ты заступилась за меня?

— Всё дело в предсказании нашей шаманки, — объяснила Зельма, её голос звучал спокойно, но уверенно. — Она говорила о появлении той, кому суждено стать спасительницей моего племени.

— Звучит как— то уж очень туманно.

— Что поделать, такое вот у нас предсказание. Позже я позабочусь о том, чтобы тебе принесли еды. И ещё один совет, который тебе стоит принять во внимание: не покидай постель, пока не оденешься. Не хотелось бы, чтобы наши служанки приняли тебя за какое-нибудь чудовище.

— Я не… — мои глаза расширились от страха, а пальцы судорожно вцепились в шкуру, служившую одеялом.

— Не нужно ничего объяснять. О твоём секрете известно только мне. Но постарайся прятать свои клыки. Знаешь ли, викинги — очень суеверный народ.

С этими словами женщина поднялась и покинула комнату. Я же, совершенно обессиленная последними событиями, вновь погрузилась в беспамятство.

***

Рыжеволосая девочка, несущая внушительный поднос, буквально ворвалась в спальню. Я с трудом разлепила веки.

— Доброе утро, — жизнерадостно поздоровалась малышка, ставя поднос на кровать. — Я Лоа. Госпожа приказала принести тебе завтрак и чистую одежду. Тут сыр, свежий хлеб и немного вяленого мяса.

Еда была простой, но от нее исходил такой дивный аромат, что у меня потекли слюни. Пока я наслаждалась завтраком, Лоа вернулась с платьем из грубой шерсти. Помня о преду-

преждении Зельмы, я попросила ее выйти, и девочка, не возражая, быстро покинула комнату. Оставшись одна, я облачилась в платье и вышла.

В большом зале уже бурлила жизнь: Зельма давала указания женщинам, дети играли возле очага, а мужчины занимались починкой домашней утвари.

— Выглядишь намного лучше, — приветливо улыбнулась хозяйка, оглядев меня с головы до ног. — Надеюсь, ты не против небольшой прогулки? Хочу кое— что показать.

Во дворе нас ждали две оседланные лошади, снаряженные для поездки. Сердце мое забилось чуть быстрее – ведь верховая езда была для меня совершенно новым опытом. Зельма, словно прочитав мои мысли, не подала виду, что заметила мое смущение.

Сделав глубокий вдох, чтобы успокоить себя, я подошла к гнедой кобыле. Поставив ногу в стремя, я собрала всю свою решимость и, преодолев неловкость, взобралась в седло. Это было не самое элегантное движение, но главное – я оказалась в седле.

Каково же было мое удивление, когда поняла, что управлять четвероногой красавицей – это совсем не так страшно и сложно, как я себе рисовала! Моя лошадка оказалась настоящим ангелом: добрая, спокойная, она с пониманием относилась к моим первым, совсем неловким попыткам взять ее под контроль. Я была ей невероятно благодарна за такое терпение.

Мы покинули деревню под неодобрительные взгляды местных жителей.

Природа вокруг захватывала дух. Небо, словно освободившись от тяжести, открывало свою бездонную глубину. Прохладный ветерок нежно касался кожи, принося с собой сладкий аромат вереска. Могучие холмы, укутанные вековыми лесами, и молчаливые скалы казались хранителями древних секретов.

У самой кромки леса мы остановились и покинули седла.

— Что это за место?

— Увидишь. Дальше нам предстоит идти пешком.

Оставив наших скакунов пастись на опушке, мы углубились в таинственные заросли. Воздух, пропитанный озоном, окутывал нас, вызывая легкое опьянение. Под ногами, словно древний ковер, шелестел слой опавших листьев и хвои. Вскоре перед нами предстала поляна, где возвышались загадочные, исполинские камни.

— Что это за место? — спросила я.

— Это святилище. Здесь молятся богам и просят их о помощи.

— И часто они помогают?

— Когда это действительно необходимо. Но я вижу, что ты преисполнена неверием. Прежде чем ты станешь одной из нас, тебе предстоит многое узнать и принять. Для начала, мне бы хотелось познакомить тебя с нашими традициями и богами.

— А нельзя обойтись без этого? Традиции еще куда ни шло, но вот боги… Уж прости, я не очень верю в их существование.

— Как бы там ни было, я убеждена, что именно боги привели тебя к нам.

— Боюсь, мне придется развеять твою иллюзию. Я оказалась здесь лишь благодаря собственной воле и упорству. Поэтому прошу, оставь эти предания о всесильных обитателях небес.

— Как бы ты ни пыталась отрицать, их реальность неоспорима. Время расставит все по своим местам, и ты сама в этом убедишься.

Я не стала спорить. Зачем? Для кого-то проще всего сваливать все свои невзгоды на волю высших сил. Мне было интересно понять, как живет Зельма и ее люди. В этом было что-то близкое мне. И потому я была готова примкнуть к их семье, стать частью этого целого.

С этого момента началась моя новая жизнь.

Спустя два года.

— Ну и куда ты опять собралась? — Голос, прозвучавший за спиной, заставил меня вздрогнуть. Обернувшись, я увидела Алрика. В его глазах, как всегда, читалось неприкрытое раздражение.

— Хочу проведать старую Рагну.

— Сколько раз я должен повторять?! Тебе нельзя покидать пределы деревни, неугомонная!

— Я помню. Но ей нужны одеяла и еда. Холода уже наступают, и без этого она не переживет зиму. К тому же, это поручение госпожи.

— Боги! За что мне такое наказание?!

Алрик умудрился нахмуриться еще сильнее, хотя я была уверена, что его брови уже достигли максимальной степени сдвига. За время, проведенное здесь, стало очевидно: вождь не просто любил свою жену, он ее буквально обожествлял, превращаясь в покорного исполнителя всех ее капризов. Эта миниатюрная особа с легкостью вила веревки из грозного воина и, надо сказать, делала это с завидным постоянством. Мое собственное место в иерархии племени было тому живым доказательством. Зельма, с которой мы успели сдружиться, просто объявила меня названой сестрой и велела всем принять это как факт.

Вождь, конечно, не был в восторге от такого решения, но и возразить не посмел. Правда, как он потом жаловался, с этого момента у него добавилось седых волос. А я, знаете ли, была той еще занозой – с характером упрямым и вздорным, совершенно не подходящим для благородной дамы. Сидеть часами над вышивкой, управлять домом или заниматься прочими "женскими штучками" – это было совсем не мое.

Чаще всего меня можно было встретить в оружейной или на тренировочной арене. Освоив искусство верховой езды, я находила утешение в долгих, уединенных прогулках. Мужчины обходили меня стороной, а женщины тут же замолкали, стоило мне оказаться поблизости. Но это одиночество не тяготило меня. До недавнего времени.

Все изменилось прошлой весной, когда послы от вождя соседнего племени предложили объединить наши народы через священный брак. Алрик, не посоветовавшись со мной, тут же дал согласие, объявив меня невестой. Попытка сбежать оказалась тщетной – меня поймали и вернули обратно. Теперь каждый мой шаг был под наблюдением, и это невыносимо раздражало.

— С тобой отправится Канут.

— Мне не нужны няньки, — пробурчала я.

— А я говорю, что нужны! В скором времени встанет лед и состоится объединение двух племен. И я не позволю тебе разрушить мои планы.

— Алрик, это несправедливо!

— Пусть так, но решение уже принято, и я его не изменю! Так что выбирай: либо с тобой едет Канут, либо кто-то другой отправляется к отшельнице.

— Хорошо, пусть он едет. Но если он будет меня торопить, я вырву ему язык.

— Хотел бы я на это взглянуть, — усмехнулся вождь.

Воин, которого он приставил следить за мной, был самым сильным в племени. Однако отнюдь не многословен. Собственно, это не помешало ему добиться признания и уважения среди соплеменников.

Вскочив в седло, я направила своего коня прочь от дома. Не было никакого желания терять время, ожидая сопровождающего; пусть догоняет, если сумеет. Конь, подаренный мне в честь помолвки, был поистине великолепен. Абсолютно черный, как ночь, с изящной белой отметиной на бархатистом носу. Его скорость и выносливость были настолько впечатляющими, что лишь скакун самого вождя мог с ним сравниться.

В часе пути на север от деревенских окраин, среди тишины и уединения, стоял дом отшельницы. Я могла с закрытыми глазами найти дорогу туда. Рагна была моей отдушиной. От нее я почерпнула немало знаний, касаемо измерения, в котором оказалась.

Канут нагнал меня довольно скоро.

— Вождь приказал возвращаться, как можно скорее, — сказал он, поравнявшись со мной. — Сегодня ожидают прибытия послов для обсуждения деталей предстоящего торжества.

Я мысленно застонала. Как же я могла забыть об этом?

— Ничего страшного. Когда договаривались о свадьбе, мое мнение вообще не спрашивали, так что, думаю, и сейчас обойдутся без меня.

— Вождь приказал…

— Ты всегда так слепо исполнителен? — прервала я его. — Если так боишься ослушаться Алрика, можешь отправляться обратно. Я же вернусь, когда сама захочу.

Гнев исказил черты его лица, губы сжались в тонкую линию. Я чувствовала, как натянута струна его терпения, и лишь незримая власть госпожи удерживала его от того, чтобы не свернуть мне шею. Он подавил порыв, и тишина вновь окутала нас, пока мы продолжали путь.

Едва показались очертания дома Рагны, я пришпорила своего скакуна, устремляясь вперед. Канут, несмотря на все старания, не мог угнаться за мной. Когда его конь, тяжело дыша, наконец остановился у покосившейся хижины, я уже успела переступить порог.

Внутри, у мерцающего очага, сидела старуха, помешивая в котле отвратно пахнущее варево. При моем появлении ее лицо, испещренное глубокими морщинами, озарилось искренней, приветливой улыбкой.

— Мара, не думала, что ты навестишь меня прежде, чем выпадет первый снег.

Я сгрузила на стол одеяла и корзину с провизией.

— Неужели ты думала, что Зельма и я оставим тебя мерзнуть?

— Что ты! Конечно нет! Просто я слышала, что ты готовишься к свадьбе.

Я раздраженно фыркнула.

— Эта свадьба нужна только Алрику. Вот пусть и готовится. А у меня есть куда более важные дела!

— Ты сегодня не одна? — спросила женщина, поднимаясь и подходя к окну. — Моя «нянька» стояла во дворе, не решаясь зайти в дом.

— Не одна, — грустно вздохнула я. — Алрик не спускает с меня глаз. Я даже на прогулку не могу выехать без сопровождения.

— Уж поверь, мне это знакомо. До того, как я обосновалась здесь, меня так же хотели выдать замуж без моего согласия. Жаль, что не могу тебе помочь. Но если хочешь, я отвлеку этого здоровяка, а у тебя будет время прогуляться. Это меньшее, что я могу сделать для тебя в благодарность за заботу.

— Звучит здорово, — оживилась я. Даже пара часов без присмотра уже были для меня лучшим подарком.

Понимающая улыбка озарила лицо Рагны, и она кивком указала на едва заметную дверь, ведущую на задний двор, прилегающий к лесу. Я тихонько выскользнула наружу. Убедившись, что мне удалось незамеченной ускользнуть из дома, отшельница вышла во двор. Ей не составило труда занять викинга.

Лесная чаща окутала меня освежающей прохладой и таинственным полумраком. Плотный зеленый полог деревьев почти полностью скрывал солнечный свет. Я прикрыла глаза и прислушалась к звукам. Где-то вдалеке щебетали невидимые птицы. Совсем рядом пробежал испуганный заяц. Вековые деревья, шелестя листвой, казалось, вели неспешный разговор. Только здесь я могла почувствовать себя свободной.

Буря в душе, вызванная предстоящим торжеством, улеглась, уступая место умиротворению. Открыв глаза, я направилась вглубь леса.

Вдруг, прямо посреди леса, полыхнуло так, что меня ослепило на долю секунды. Молния? В лесу это казалось чем-то из ряда вон выходящим. Подчиняясь инстинкту, я устремилась к источнику света. Вскоре деревья расступились, открывая взору небольшую поляну. Посреди высокой травы, окутанная клубами дыма, лежала человеческая фигура.

— Эй! Ты там живой? — позвала я тихонько, но никто не ответил.

Выругавшись за свою излишнюю любопытность, я приблизилась к телу. Когда-то мне доводилось читать о подобных аномалиях. Молния без грозы, кажется, так это называлось.

Незнакомец покоился на животе, его темные волосы скрывали лицо. Я легонько встряхнула его за плечо, но никакой реакции не последовало. Перевернув его на спину и убедившись, что он дышит, я облегченно выдохнула. Он был в глубокой отключке, но вполне живой.

— Ну и досталось же тебе, — мелькнуло у меня в мыслях.

Мужчина пошевелился и слабо застонал. Я тут же наклонилась к нему и осторожно похлопала по щекам.

В следующее мгновение мир перевернулся. Незнакомец оказался сверху, а к моему горлу прижалось острие кинжала.

— Кто ты такая? Неужели братец отправил тщедушную девку добить меня? — прозвучал его тихий, но пронзительный голос, напоминающий змеиное шипение.

— Ты бы убрал свою зубочистку, — просипела я. — А то, не ровен час, порежешь кого-нибудь.

Однако вместо того, чтобы выполнить мою просьбу, он лишь усилил нажим на клинок. Я ощутила, как горячая струйка крови побежала по моей шее.

— Если ответишь на мои вопросы, то умрешь быстро.

Внутри меня стала нарастать злость. Ну всё, хватит! Вместо благодарности в меня тыкают всякими острыми предметами, да еще и угрожают! Надоело!

Резким движением я подтянула ноги и ударила его в спину. Несильный, но внезапный удар заставил его потерять равновесие. Пока он поднимался, я успела отскочить на безопасное расстояние.

Мой взгляд с интересом остановился на противнике. Мужчина лет тридцати, худощавый, среднего роста, облаченный в доспехи из серо— зеленой кожи с золотыми вставками. Я не могла не отметить его осанку – прямую, уверенную, словно он был рожден для битвы. Каждый его жест, даже самый незначительный, казался отточенным и целенаправленным. В его облике чувствовалась сила, скрытая под внешней хрупкостью, и это сочетание было интригующим. Я ощутила, как мое сердце начинает биться чуть быстрее, не от страха, а от какого— то странного, неведомого предвкушения. Его присутствие заполняло пространство, делая его более напряженным и значимым. Черные волосы, зачесанные назад, подчеркивали пропорциональное лицо с высокими скулами и тонкими, чувственными губами. Но его глаза... они были просто завораживающими. Голубые, как замерзшие озера, они смотрели на меня без тени эмоций, с холодной решимостью хищника. Я пыталась угадать, что скрывается за этой безупречной внешностью, какие тайны таятся в глубине его ледяных глаз. Была ли эта холодность защитой или же истинной сущностью? Вопросы роились в моей голове, и я понимала, что эта встреча будет далеко не обычной. Бесспорно, его можно было назвать красивым. Но эта красота была какой-то темной и холодной.

— Может, поговорим?

— Обязательно, — осклабился незнакомец. — Как только разберу тебя на части.

— Боюсь, тогда разговора не получится.

— Какая проницательность.

Этот тип начал меня раздражать.

Понимая, что драки не избежать, а становиться жертвой этого проходимца мне не улыбалось, я была вынуждена прибегнуть к единственно доступному средству защиты. Выпустив длинные когти, я приготовилась к бою.

— Да ты полна сюрпризов.

— Как и ты, — ответила я, глядя, как у него в руках появляется второй кинжал из тускло мерцающего металла. — Кто ты вообще такой?

— Не думал, что нуждаюсь в представлении, — усмехнулся мужчина и склонился в шуточном поклоне. — Прошу любить и жаловать. Локи! Самый умный и хитрый из всех богов Асгарда!

— Что-то не тянешь ты на бога, — съязвила я.

— И много богов ты видела прежде?

— Разве что на фресках. Но они явно выглядят по-другому.

— Что ж, если под божественностью подразумевается гора мышц и исполинский рост, то я, безусловно, выбиваюсь из привычных представлений.

— Допустим, ты и впрямь бог коварства. Но и я не сдамся без боя. В любом случае пострадаем оба. Поэтому предлагаю разойтись с миром.

Локи оценивающе прошелся взглядом по моим пятисантиметровым когтям, не уступающим остротой его клинкам, и согласно кивнул.

Кинжалы исчезли так же незаметно, как и появились.

— Согласен. Собственно говоря, ты не стоишь моего внимания. Да и времени у меня нет, чтобы преподать тебе урок вежливости. Поэтому оставлю это на потом.

Не успела я и слова вымолвить, как он растаял среди деревьев, словно мираж. Этот самодовольный бог разительно отличался от тех, что я видела на древних фресках. Там Локи представал рыжим, тощим, как прутик, с заостренными ушами – типичный гном. Но этот… его нельзя было назвать хилым. Он был поджарым, с широкими плечами, жилистыми руками и крепкими ногами.

Я попыталась стряхнуть с себя ворох непрошеных мыслей, встряхнув головой, и уже направлялась к выходу с поляны. Но тут мой взгляд зацепился за неземное свечение. Как говорится, "любопытство – гибель для кошки". Разгребая заросли травы, я обнаружила небольшой флакон. Его содержимое излучало тот самый свет, что так привлек мое внимание. Подняв свою находку и выдернув пробку, я вдохнула. Аромат был настолько чарующим, что я, поддавшись искушению, выпила все до последней капли. Вкус оказался поистине райским. А затем последовало нечто, совершенно выходящее за рамки моего понимания. Мое сознание покинуло тело и устремилось в бесконечность, где я стала свидетелем созидания и разрушения миров, зарождения жизни и угасания целых цивилизаций. Я увидела бесчисленные нити, протянувшиеся сквозь вселенные и сплетающиеся в полотно немыслимой красоты. И каждая нить была чьей—то историей. Затем все погрузилось во мрак, и я оказалась перед лицом абсолютной пустоты.

Сознание возвращалось постепенно. Открыв глаза, я обнаружила себя у дома отшельницы. Чувствовалась необычайная легкость и прилив энергии. Со двора доносились пение Рагны и стук топора. Обойдя хижину, я увидела Канута, колющего дрова, и отшельницу, сидящую на лавке и поющую баллады. При моем появлении старушка улыбнулась. Присев рядом, я подставила лицо последним теплым лучам солнца, наслаждаясь нахлынувшим спокойствием.

Прошло не менее часа, прежде чем с поленьями было покончено. Попрощавшись, мы направились обратно в деревню.

— В следующий раз придумайте мне другое занятие, — сказал здоровяк.

— Ты о чем?

— Ты поняла, о чем я.

Мне стало немного стыдно перед этим молчаливым великаном.

— Канут, прости. Пойми, мне хотелось немного побыть в одиночестве.

— Могла просто попросить. Не обязательно было сбегать и обманывать меня.

— А ты бы отпустил?

Воин задумался.

— Мара, — начал он. — Алрик приставил меня следить за тобой. Но это довольно трудно. Поэтому давай условимся: я позволю тебе гулять время от времени без присмотра, а ты обещаешь не сбегать.

— Договорились. Знаешь, никогда бы не подумала, что ты можешь сказать больше двух слов.

— Ты и немого заставишь петь, — съязвил Канут. — Даже жаль бедолагу, который на тебе женится. С твоим-то характером ему придется несладко.

— Давай не будем о грустном. Не порти такой прекрасный день.

— Ну считай это платой за целую гору дров. Старуха теперь может несколько зим даже не думать, чем топить дом.

— Думай о том, что сделал хорошее дело. Тебе это зачтется.

Мужчина тяжело вздохнул и покачал головой. Остаток пути мы провели в молчании, думая каждый о своем.

В деревне нас уже поджидали послы. Зельма с сердитым видом встретила меня у конюшни.

— Мара, где тебя носило?! — бурчала она, ведя меня к дому. — Алрик уже который час вынужден развлекать этих посланников!

— Я ездила навестить Рагну.

— Знаю. Ведь это я попросила тебя отвезти ей одеяла и еду. Но ведь можно было вернуться гораздо раньше! А теперь надо спешить!

Мы вошли в комнату, где уже стояла лохань, наполненная горячей водой. Скинув одежду, я погрузилась в воду, смывая дорожную пыль. Мне не хотелось расстраивать Зельму, но слушать, как обсуждают мое будущее, хотелось еще меньше.

Пока я купалась, госпожа подготовила платье из тонкой шерсти пурпурного цвета.

Вскоре я стояла, обновленная, с волосами, уложенными в прическу. Зельма, с нежностью поправив серебряный венец, отступила, чтобы в полной мере насладиться своим творением.

— Ты прекрасна! Ну же! Улыбнись!

— Что-то не хочется, — ответила я. — В данный момент я бы предпочла смерть, чем всё это.

— Не говори так. Твой жених — сильный, красивый воин! И он будущий вождь!

— Только не его тащат под венец против воли.

Зельма тяжело вздохнула и вытолкала меня за дверь.

Внизу собралась вся деревня. При нашем появлении Алрик широко улыбнулся.

— Вот и невеста!

Группа мужчин в стальных доспехах обернулась и уставилась на меня, словно оценивая кобылу на ярмарке.

Спустившись вниз, я села за стол, чинно сложив руки на коленях. Зельма заняла своё место подле мужа.

— А она и правда хороша. Всё как ты и говорил, Алрик, — сказал один из послов. — Её красота достойна богов.

— А то! — хвастливо подбоченился предводитель викингов. — Она украсит дом любого мужчины! А теперь обговорим условия, при которых я отдам ему такую драгоценность!

Мне стоило немалых усилий, чтобы сохранить бесстрастное выражение лица. Несколько часов я была вынуждена слушать унизительные торги. В итоге назначенная цена за мою тушку устроила представителей соседнего племени, и хмельные напитки полились рекой.

Когда мужчины, захлебнувшись в вине, утратили последние остатки разума и речи, я смогла незаметно выскользнуть из зала. Я шла по деревне, словно в тумане, пытаясь укротить бурю гнева, бушевавшую во мне. На моём пути возник Канут, словно скала.

— И куда это ты собралась?

— Хочу спуститься к заливу, чтобы утопиться.

— Не смешная шутка, — нахмурился воин.

— А я и не шучу.

— Мара…

— Успокойся. Просто хочу побыть одна.

Здоровяк несколько секунд сомневался, но всё же отошёл в сторону, уступая дорогу.

Я спустилась к воде и устроилась на одном из валунов. Отсюда хорошо просматривалась бухта, в которой расположился широкий причал.

Звёзды ярко светили в ночном небе. Шелест волн, разбивающихся о берег, успокаивал. Вопрос о моём замужестве был решён окончательно.

— Канут сказал, что ты здесь.

Я обернулась и увидела Зельму. Она держала в руках шерстяной плащ.

— Здесь довольно прохладно. Не хватало ещё, чтобы ты заболела, — сказала она, накидывая его мне на плечи.

— Плевать. Скажи, почему Алрик так жаждет породниться с этим племенем?

— Неужели ты ещё не поняла? У нас почти не осталось мужчин, способных защитить деревню. Ты же знаешь, сколько воинов погибло прошлой весной. Ещё одного набега мы не переживём. А объединение позволит нам рассчитывать на помощь Йенаса. Если бы не это обстоятельство, мой муж никогда бы не согласился на этот брак.

— Но почему именно я?! Разве у нас в деревне мало красавиц?!

— Потому что ты моя названная сестра и единственная, кто подходит по статусу.

— Это несправедливо.

— Послушай. Меня когда-то тоже выдали замуж против воли. Казалось, что жизнь кончилась. Но Алрик сумел завоевать моё сердце. Может, и тебе удастся полюбить Олафа?

— Сомневаюсь.

— Не будь так категорична. Ты даже не знакома с ним. Помнишь, я говорила тебе про пророчество шаманки? Может, это именно оно и есть?

Молчание было моим ответом. Зельма ушла, оставив меня в плену собственных мыслей.

— Так вот, какая ты, гостья из чужого мира.

За моей спиной возникла пожилая женщина, одетая в звериные шкуры. Её морщинистое лицо украшали татуировки рун и священных символов. В седые косы были вплетены разнообразные амулеты. Она тяжело опиралась на резной посох. Я без труда поняла, что это та самая предсказательница, о которой говорила Зельма.

— Ты ошибаешься.

— Неужели? — с кривой усмешкой произнесла незваная гостья. — Ты, возможно, и стала частью этого племени, но к нашему миру не имеешь никакого отношения. Но оставим этот разговор на потом. Хочешь, я сделаю предсказание для тебя? — Она протянула мне небольшой мешочек из грубой мешковины. — Вытащи кость и дай мне.

— Не хочу показаться грубой, но я не верю во всё это.

— И всё же я настаиваю.

Поняв, что так просто мне от неё не отделаться, я извлекла отшлифованный кусочек и протянула его незнакомке. Старуха пристально изучала высветившуюся руну. И чем дольше она на неё смотрела, тем сильнее хмурилась.

— Этого не может быть.

— Чего именно?

— Да нет… этого не может быть! — повторила старуха. Резко развернувшись, она растворилась во тьме. Поведение шаманки слегка удивило меня. Я ничего не поняла из бессвязного бормотания, но по итогу это не имело значения.

Полная луна взошла над головой, а значит, нужно было возвращаться. Прокравшись в комнату, я забралась в кровать. Но сон никак не шёл. Перед мысленным взором возник образ худощавого мужчины с удивительно холодными глазами.

***

— Найти тебя оказалось не так уж и сложно, — прозвучал тихий, пугающий голос из глубины комнаты, где царила кромешная тьма, не нарушаемая лунным светом. Я едва не вскрикнула от испуга.

— Что ты здесь забыл? — прорычала я, инстинктивно кутаясь в одеяло.

— Пришел забрать то, что ты украла. Отдай ее, и я исчезну.

— О чем ты говоришь?

Локи вышел на свет, и я отметила, что выглядел он слегка уставшим и потрепанным.

— Не стоит со мной играть, смертная, — в его голосе появились опасные нотки.

— Ты бы весьма упростил задачу, объяснив, что именно тебе нужно, — нахмурилась я.

— Слеза Имира! Где она?!

— Да уж, объяснил. Слушай, скажу один раз: никакой слезы у меня нет. И уж тем более я ничего не крала.

— Не слишком умно лгать богу, — Локи навис надо мной, словно скала. — Где Слеза?!

Его взгляд обдавал ледяным холодом и надменностью, но в то же время завораживал. Еще немного, и я была бы готова отдать ему не только какую— то там слезу, но и собственную жизнь.

Так, стоп! Что за ерунда творится?! Я словно очнулась от гипноза. И меня накрыло волной негодования.

— Еще раз повторяю, и надеюсь, ты поймешь: Я. НЕ. ЗНАЮ. О. ЧЕМ. ТЫ. ГОВОРИШЬ!! — отчеканила я, оттолкнув его.

— Странно. Я чувствую, что слеза находится где— то поблизости, — Локи нахмурился, и его взгляд стал еще более пронзительным.

— Наверное, божественный радар сломался.

— Еще одна такая шутка, и от тебя останется только мокрое пятно.

— Ой, как страшно! — съязвила я, выбираясь из постели. — Если бы ты хотел меня прикончить, ты бы это сделал, пока я спала.

— Наверное, так и следовало поступить, — Локи погрузился в раздумья.

И тут меня осенила гениальная (или не очень) мысль.

— Погоди, а как выглядела твоя пропажа?

— Маленький хрустальный флакончик, — Локи, погруженный в свои раздумья, ответил не сразу.

Мои худшие догадки подтвердились. Я нервно хихикнула, и бог тут же перевел на меня взгляд. В нем читалось что-то очень недоброе.

— Слушай, давай поговорим! — Я поспешила отойти на безопасное расстояние. Вот теперь мне и правда стало страшно.

— Отвечай! Ты все— таки знаешь, где мое сокровище? — прорычал мужчина.

— Ну, в целом да. Только боюсь, тебе не понравится мой ответ.

— На твоем месте я бы не тянул.

— Тут такое дело… В общем, я ее выпила!

Локи застыл, как статуя. На его лице промелькнула целая палитра эмоций: от полного недоумения до едва сдерживаемой ярости.

— Скажи, что это шутка!

— Если бы, — буркнула я.

Локи глубоко вздохнул и на несколько секунд прикрыл глаза, борясь с охватившими его эмоциями.

— Тебя в детстве не учили, что тянуть в рот все подряд нельзя? Великий Один! Из всех вариантов развития событий ты выбрала самый невероятный!

— Ну откуда мне было знать, что это такое?! Оно так притягательно пахло, что я не удержалась.

— Впервые сталкиваюсь с существом, у которого напрочь отсутствует интеллект! А если бы это был яд?

— Отраву я бы сразу учуяла, — мне не хотелось признавать правоту его слов. — А может, ее можно как— то извлечь?

— Извлечь? — В голосе Локи прозвучала такая смесь сарказма и отчаяния, что я невольно поежилась. — Ты серьезно? Это не камешек, который можно выплюнуть, и не заноза, которую можно вытащить! Это… это эссенция! Она уже растворилась в тебе, стала частью тебя!

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— То есть… навсегда?

— Навсегда, — подтвердил он, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на злорадство, смешанное с глубокой досадой. — Поздравляю, ты стала хранилищем моего сокровища. Самым непредсказуемым и, пожалуй, самым ненадежным.

— Но… что это было? И почему оно так пахло? — мой голос дрожал.

Локи усмехнулся, и эта усмешка не предвещала ничего хорошего.

— Это была квинтэссенция первородной магии. Божественная сила, божественная суть, заключенная в жидкой форме. А пахло оно… пахло оно властью, могуществом, всем тем, что так манит смертных. И, видимо, не только смертных.

Я почувствовала, как внутри меня что-то сжалось. Магия? Божественная сила? Во мне?

— И что теперь будет? — спросила я, пытаясь осмыслить услышанное.

— Что будет? — Локи медленно подошел ко мне, его взгляд скользнул по моему лицу, задержавшись на губах. — Теперь ты моя. В буквальном смысле. Твоя судьба отныне неразрывно связана с моей. И, боюсь, тебе придется научиться пользоваться тем, что ты так опрометчиво поглотила. Иначе… иначе это поглотит тебя.

Его слова прозвучали как приговор. Я посмотрела на него, пытаясь найти хоть каплю сочувствия, но увидела лишь холодный расчет и едва заметное торжество. Моя жизнь только что перевернулась с ног на голову. И виной тому был не только Локи, но и моя собственная неуемная любознательность.

Постаравшись справиться с нахлынувшей паникой, я принялась расхаживать по комнате.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Может быть, и можно. Но нужно покопаться в древних манускриптах. Пока меня не будет, постарайся не умереть.

— Поверь, это в мои планы не входит.

— Однако у других может сложиться иное мнение на этот счет.

Словно призрак, Локи растворился в изумрудном мерцании.

Укутавшись в теплое одеяло, я присела у окна. В голове царил хаос: боги, древние реликвии, грядущий брак… Моя жизнь превратилась в причудливую смесь небылиц и немыслимого.

Глава 3

Зельма ворвалась ко мне, словно вихрь, чье лицо светилось от едва сдерживаемого волнения.

— Хорошо, что ты уже встала, — сказала она, разложив на кровати мой свадебный наряд.

— Что-то случилось?

— Случилось. Но пока не понятно, к добру это или нет.

— Зельма, не темни.

— Скоро все поймешь. Нужно поторопиться. Алрик и вся деревня ждут нас внизу.

С самого утра я была на грани нервного срыва. Наконец-то наступил день свадьбы, и я жаждала лишь одного – чтобы это скорее закончилось. Два месяца пролетело с тех пор, как коварный бог вторгся в мою спальню. Мои сны стали наполняться странными видениями – путешествиями по бескрайним вселенным, после которых я пробуждалась совершенно опустошенной. Но даже эта изнуряющая реальность снов была милосерднее того, что ждало меня наяву. Зельма отнеслась к моему замужеству с фанатичной серьезностью. Мы проводили целые дни в огромном зале, создавая мой свадебный наряд и собирая приданое.

С приходом первого снега моя комната превратилась в сокровищницу: около десятка огромных сундуков, набитых до отказа мехами, тканями, нарядами и прочими диковинами, заняли все доступное пространство. Когда бухта едва прикрылась тонкой ледяной вуалью, пришла весть: жених уже на подходе, чтобы скрепить столь долгожданный союз. Алрик был вне себя от радости. В тот день он устроил пиршество невиданных масштабов. Все вокруг утопали в веселье, кроме меня. И вот настал тот самый день. В своем платье нежно— розового цвета, отороченном пушистым мехом, я спускалась навстречу своей судьбе. Но уже на верхних ступенях лестницы меня пронзило дурное предчувствие. В зале царил полный хаос. Алрик, мрачный, как грозовая туча, восседал во главе стола, а за его спиной выстроились лучшие воины. Женщины и дети, сбившись в дальнем углу, испуганно перешептывались.

Мой взгляд, скользнув по залу, выхватил группу чужаков. Их предводителем был исполин, облаченный в грубую кожаную броню, поверх которой ниспадал плащ из медвежьей шкуры. В тот же миг, словно молния, меня пронзило осознание: это был мой суженый. Я сразу поняла, что это был мой жених.

— Значит, ты отвергаешь наш союз?

— Именно так. Уговор был заключен между тобой и моим предшественником. Теперь я стою во главе племени.

Лицо Алрика омрачилось.

— Но как же честь и данное слово?

— Лично я ничего тебе не обещал.

— Но ты даже не видел ее! Она — настоящая красавица, уступающая лишь моей жене.

Олаф равнодушно пожал плечами.

— Мне все равно. Я не собираюсь жениться на сумасшедшей. К тому же, до меня дошли слухи, что твоя жена подобрала ее, словно бездомную собаку. Неужели ты думаешь, что я возьму в жены кого-то без роду и племени?

— Олаф, следи за языком, — голос Алрика стал жестче, — ты оскорбляешь названную сестру моей супруги!

— Мне плевать. Если ты жаждешь битвы, подумай вот о чем: твои три десятка воинов против моей сотни – это несерьезно.

— Возможно. Но каждый мой боец равен десяти твоим!

— Неужели ты настолько наивен? — Олаф осклабился, и его взгляд упал на нас с Зельмой, замерших на верхних ступенях. — Ты бросил мне вызов, вождь. Я повешу твою голову на ворота, а твою жену и эту безродную отдам на потеху своим воинам.

Такая наглость Олафа стала последней каплей для Алрика. Он вскочил, и блеснувший в его руке меч был красноречивее любых слов.

— Ты заплатишь за свои слова, щенок! — прорычал он.

— Посмотрим, — спокойно ответил Олаф и, развернувшись, вместе со своей свитой, словно тени, покинул зал.

Алрик был в ярости. Зельма, бледная и растерянная, безуспешно пыталась унять его. Я никогда не видела вождя в таком исступлении, и в груди моей зародилось тревожное предчувствие.

Незаметно выскользнув из дома, я направилась к бухте, где пришвартовался драккар Олафа. Сердце колотилось в предвкушении. Взойдя на борт, я сразу заметила высокую фигуру мужчины, стоявшего на носу. Его силуэт четко вырисовывался на фоне заходящего солнца.

— Вождь, — произнесла я, стараясь придать голосу твердость, несмотря на дрожь в коленях.

Я стояла с высоко поднятой головой, игнорируя едкие взгляды и сальные шуточки викингов, обступивших меня со всех сторон. Их голоса казались мне далеким гулом.

Я чувствовала их взгляды, словно острые ножи, но не отводила глаз от Олафа. Он повернулся ко мне, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление, смешанное с насмешкой.

— Что тебе нужно, женщина? — Его голос был низким и рокочущим, как приближающаяся гроза.

— Я пришла поговорить, — ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно, хотя внутри все сжималось от страха.

— Ну, говори, — Олаф усмехнулся, и эта усмешка была холодной, как северный ветер.

— Прошу тебя, оставь наше племя и уходи в свои края. Война, которую ты пообещал Алрику, совершенно бессмысленна.

— Так ты пришла просить за своего вождя? Вот уж не ожидал, что Алрик Бесстрашный станет прятаться за женской юбкой!

— Он не знает, что я здесь. Я пришла, потому что считаю, что ты перешел черту. Твои слова были оскорбительны не только для Алрика, но и для всех нас.

— Насколько мне известно, ты всего лишь чужеземка, которую приютили, чтобы потешить жену вождя. А может, и не только ее.

— Думай, что хочешь, — его слова задели меня за живое. — Но прошу, оставь эти земли и отправляйся к себе домой.

— Ты думаешь, какая-то девка может указывать мне?! Вождю?!

— Я не приказываю, Олаф. Я прошу. Прошу, как человек, который ценит мир. Война принесет лишь страдания и смерть. Неужели это то, чего ты хочешь?

Мужчина медленно обошел меня, окинув взглядом с головы до ног. Викинги вокруг затихли, наблюдая за этой странной сценой. Казалось, они ожидали, что он сейчас же прикажет мне убираться или сделает что-то еще более унизительное.

— Страдания? Смерть? Это цена за честь и силу, женщина. То, чего твой Алрик, видимо, не понимает.

— Он понимает цену, Олаф. И он готов ее заплатить, но не ценой жизней своего народа. А ты? Ты готов стать тем, кто прольет кровь без нужды? — Я сделала шаг вперед, сокращая дистанцию между нами. — Ты сильный воин. Я видела это. Но иногда истинная сила проявляется в мудрости и уважении.

— Мудрость и уважение, говоришь? — он замер прямо передо мной, его лицо было всего в нескольких сантиметрах от моего. Я чувствовала его дыхание на своей коже. — А ты думаешь, что обладаешь ими, чтобы учить меня?

Я подняла голову и встретилась с ним взглядом.

— Мне кажется, что каждый из нас может учиться друг у друга. И я пришла предложить тебе возможность закончить этот конфликт мирным путем, прежде чем он приведет к чему-то худшему.

— Мирным путем? — Его глаза опасно сузились. Наступила долгая, напряженная тишина. Викинги вокруг меня нервно переминались с ноги на ногу. Олаф смотрел на меня, и я не могла прочитать его мыслей. Казалось, он взвешивал мои слова, оценивал мою смелость. — Этому не бывать. Запомни это и передай своему господину.

— Ты совершаешь ошибку. Война не выгодна для обоих племен. Даже если вы перебьете нас всех до единого, твои люди тоже пострадают. Сколько вас? Сотня? Вот и подумай. Если ты обнажишь меч, то Алрик будет сражаться до смерти. Он не из тех, кто будет просить пощады. А зима в этом году обещает быть суровой, и раненые вряд ли ее переживут. Ты лишишься части своих воинов и ради чего? Ради своего тщеславия?

На драккаре воцарилась абсолютная тишина, каждый звук замер. Викинги стояли неподвижно, а лицо Олафа исказила гримаса, полная неприкрытой ненависти.

— Кто дал тебе право так разговаривать со мной?! Что ты о себе возомнила?!

— Это право мне даровал здравый рассудок, который, очевидно, тебя покинул. Когда боги распределяли ум, они, похоже, на тебе сэкономили.

Олаф занес руку, и я инстинктивно зажмурилась, готовясь к неминуемому удару. Но он так и не последовал.

Кто-то резко дернул меня за ворот платья, и увесистый кулак вождя пролетел мимо. По толпе прокатился благоговейный шепот.

Запутавшись в подоле, я потеряла равновесие, но сильная рука, обхватившая талию, не дала мне упасть.

— Кто тебе позволил поднять руку на эту смертную?

Тихий голос, прозвучавший прямо за спиной, вызвал волну мурашек по всему телу. Обостренный нюх уловил тонкий аромат лаванды и вишни, смешанный с терпкими нотками хвои.

Олаф, все еще пылая гневом, уставился на худощавого незнакомца. Его взгляд был полон вызова, но в нем читалось и некое замешательство.

— Кто ты такой, чтобы соваться в мои дела?! — прорычал он, но в его голосе уже не было прежней уверенности.

Мужчина медленно высвободил меня из своих объятий, но его рука осталась рядом, готовая в любой момент прийти на помощь. Я почувствовала, как он сделал шаг вперед, вставая между мной и разъяренным викингом.

— Ты пожалеешь об этом!

— Сомневаюсь, — спокойно ответил мужчина. — А вот тебе предстоит ответить за то, что поднял руку на ту, кто тебе не ровня.

Напряжение на палубе достигло предела. Викинги, затаив дыхание, ждали, что произойдет дальше.

Мой взгляд скользнул вниз, к раскрытой ладони моего спасителя, где игриво извивались языки зеленого пламени.

— Чародей, — усмехнулся вождь.

Я ощутила, как Локи испустил разочарованный вздох.

— Вы, смертные, такие тупые. Я Локи! Бог коварства и изощренной хитрости!

— Да какой ты бог?! — Взрыв смеха разорвал тишину. — Всем известно, что Локи – всего лишь шут при могучем Одине!

— А вот это ты сказал напрасно, — в голосе мужчины прозвучала неприкрытая угроза. Он резко вскинул руки, и к мачте устремился сгусток яростного огня. Парус мгновенно вспыхнул, озарив палубу мерцающими отблесками.

Олаф заметно побледнел и отступил на шаг.

— Это было лишь предостережение. Убирайся отсюда и заруби себе на носу: эта смертная под моей защитой.

Развернувшись, он схватил меня за руку и повел прочь. Позади раздавались панические крики и топот ног. Никто не осмелился преследовать нас. Все силы были брошены на борьбу с огнем, который с ужасающей скоростью пожирал судно.

Я не смела даже взглянуть на него, чувствуя, как его рука крепко сжимает мою, словно якорь, удерживающий от падения в бездну. Драккар, еще недавно казавшийся таким внушительным, теперь выглядел как пылающий факел на фоне темнеющего неба. Языки пламени, которые еще недавно казались мне завораживающими, теперь вызывали лишь ужас.

Как только мы оказались в относительной безопасности, Локи отпустил мою руку. Развернувшись, он взорвался гневной тирадой, едва сдерживая крик. Его голос дрожал от негодования.

— Я просил тебя только об одном! Просто не подвергать свою жизнь риску, пока я не вернусь. И что я вижу?

— У меня не было выбора. Мой жених…

— Твой… Прости, кто?! — Локи был ошеломлен, его брови взлетели вверх. — Вот эта обезьяна?! Твой жених?! Ну и вкусы у вас, смертных!

— Он мой бывший жених, но сейчас это неважно. Он собирался развязать войну против моего народа, и я не могла остаться в стороне. Я была обязана вмешаться.

Локи, казалось, на мгновение потерял дар речи, переваривая услышанное. Его глаза сузились, а губы сжались в тонкую линию.

— Да ты с ума сошла! — вырвалось у него, когда он наконец обрел дар речи. — Ты же была на волосок от смерти! И ты считаешь это пустяком? Твоя жизнь — вот что действительно важно!

— Моя жизнь ничего не стоит, если мой народ будет стерт с лица земли, — отрезала я, не отводя от него взгляда. — У меня не было выбора.

Локи отвернулся, провел рукой по волосам, явно пытаясь успокоиться. Его плечи напряглись.

— Ты не понимаешь, — пробормотал он, больше себе, чем мне. — Ты не знаешь, что такое настоящая война. Ты не знаешь, на что способен этот… этот человек.

— Я знаю достаточно, чтобы понимать, что бездействие — это худший выбор, — возразила я. — Я должна была попытаться.

Он снова повернулся ко мне, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на отчаяние.

— И что ты могла сделать в одиночку? Ты просто бросилась в пасть льву!

— Я пыталась договориться, — призналась я, чувствуя, как усталость накатывает волной. — Убедить его отказаться от своих планов.

Локи издал короткий, горький смешок.

— Договориться с ним? Ты действительно думала, что это сработает? Он не из тех, кто слушает разумные доводы, особенно когда речь идет о власти и мести.

— Я должна была попробовать, — повторила я, и в моем голосе прозвучала непоколебимая решимость. — И я сделаю это снова, если потребуется.

Его взгляд задержался на мне, и я увидела в нем смесь гнева и беспокойства.

— Ты неисправима, — прошептал он, качая головой. — Абсолютно неисправима.

Я тяжело выдохнула, признавая его правоту

— Ну, хватит уже. Все же обошлось. Лучше расскажи, что тебе удалось выяснить?

— И правда, безумная, — устало вздохнул асгардец, проведя рукой по лицу. — Ты вообще хоть кого-нибудь или что-нибудь боишься?

— Разумеется. И список этот весьма внушительный. Но ты в него не входишь, — ответила я.

— Кто бы сомневался, — пробурчал Локи. — Но вернемся к сути. Во всех книгах, что мне удалось найти, описывается ритуальное убийство. Иных способов пока не придумали.

— Да ты что?! А я как раз ломала голову, как бы покончить с собой самым оригинальным способом! Ты издеваешься?! Это все, что ты смог накопать за два месяца?!

— Представь, как трудно было отыскать даже эти ничтожные крохи!

— А я вот тут поразмыслила... Может, она уже давно сама по себе утекла?

— Утекла? — глаза Локи расширились и в них мелькнул ужас.

— Ну не знаю. Это же жидкость, хоть и божественного происхождения. Вдруг на нее тоже распространяются привычные биологические процессы?

— Даже не смей развивать эту мысль! — нервно фыркнул бог коварства, его лицо исказилось от отвращения. По его выражению, я поняла, что он представил себе свою драгоценность в отхожем месте.

— Следует рассмотреть все гипотезы, какими бы они ни были.

— Это худшее из всего, что приходило тебе в голову. Она никуда не делась, она всё ещё в тебе. Я найду способ всё исправить, не подвергая тебя риску. Но сделай одолжение: не вздумай рисковать собой. Никаких безрассудств. Твоя задача — просто выжить.

Знакомый силуэт устройства для телепортации мелькнул в руке Локи. Прежде чем я успела задать вопрос, который уже вертелся на языке, он шагнул в мерцающую рамку портала и исчез.

С холма, где меня оставил бог обмана, открывался вид на бухту. Драккар Олафа, словно спешащий призрак, уже снимался с якоря. Его очертания постепенно таяли в дымке расстояния. Лишь когда я убедилась, что он окончательно покинул наши берега, я возвратилась в деревню.

Жизнь вернулась в привычное русло. Алрик, верный себе, все еще ворчал о том, что не смог преподать мальчишке урок хороших манер. Зельма, стремясь унять мужа, неустанно подливала ему пенное пиво. Женщины убирали свадебное убранство. Мужчины сетовали на упущенную возможность хорошей драки, но их досада быстро растворялась в щедрых запасах вождя.

Гнетущая тишина повисла в зале при моем появлении. Десятки сочувствующих взглядов устремились на меня, но это не имело значения.

Поднявшись к себе в комнату, я скинула свадебный наряд и переоделась в простое платье из плотной шерсти. Я чувствовала, как тяжесть свадебного платья, хоть и снятого, все еще давит на плечи. Это был наряд, который символизировал начало новой жизни, но сейчас он казался лишь напоминанием о том, что я оставила позади.

Я подошла к окну и выглянула наружу. Солнце зашло, и на небе зажглись первые звезды. Внизу, во дворе, еще слышались приглушенные голоса мужчин, их смех и редкие возгласы. Они были здесь, мои воины, мои люди. И пока они в безопасности, все остальное отступало на второй план. Я глубоко вздохнула, впуская в легкие прохладный вечерний воздух.

— Мне так жаль, что твоя свадьба сорвалась, — сказала Зельма, стоя в дверях и сочувственно глядя на меня. — Олаф оказался совсем не таким, как описывал Йонас.

— Честно говоря, его отказ жениться меня ничуть не расстроил, — пожав плечами, я снова повернулась к окну. — Наоборот, я почувствовала огромное облегчение.

— Олаф, конечно, не гений, но, мне кажется, что это еще не конец. Такие, как он, просто так не уходят. К тому же, кто— то поджег его судно, пока оно было у наших берегов.

— Не тревожься. Ни мне, ни вам опасность не грозит.

Если бы я только знала тогда, как сильно заблуждаюсь!

Четыре месяца спустя

Прохладный ветер трепал мои волосы и пробирался под одежду, пока я крепко прижималась к взмыленной шее своего скакуна, который стремительно несся по каменистому склону.

Зима наконец— то отступила, и теперь повсюду, куда хватало глаз, расстилалась нежная зелень молодой травы. Воздух наполнялся радостным щебетом птиц. Солнечные лучи ласково согревали этот суровый край, прогоняя последние остатки холода.

Остановив коня на вершине и соскользнув на землю, я огляделась, вдыхая свежий весенний воздух, наполненный ароматами земли и первой зелени. Внизу, у подножия холма, раскинулась деревня. Ее крыши уже подсыхали после зимних снегов, а дымки из труб обещали тепло и уют. Залив, еще недавно скованный льдом, теперь сверкал на солнце, отражая голубое небо.

Мои мысли вернулись к Зельме. Ее беременность была долгожданной, и вся деревня с нетерпением ждала пополнения. Алрик, этот грозный великан, казалось, светился изнутри от счастья. Я помнила, как он, еще до того, как живот Зельмы стал заметен, уже представлял себе их будущего сына: его смех и первые шаги. Теперь же, когда она стала похожа на милую уточку, его радость только усилилась. Немного глупая, но такая искренняя улыбка вождя, когда он гладил ее живот, была лучшим подтверждением его безграничной любви.

Я улыбнулась, вспоминая и других новорожденных. Пять мальчиков! Это было настоящее благословение для нашей небольшой деревни. Каждый новый ребенок – это продолжение рода, надежда на будущее. Зима была суровой, но весна принесла с собой не только тепло и зелень, но и новую жизнь.

Я прикоснулась к шее своего верного скакуна, чувствуя под ладонью его теплое дыхание. Он тоже, казалось, наслаждался весенним днем. Его бока еще были влажными от нашего стремительного бега, но в глазах читалось спокойствие. Мы были готовы к новым приключениям, к новым дорогам, которые открывала перед нами весна.

— Мара! Снова ты опередила меня! — раздался голос Канута, присоединившегося ко мне. Мы стали настоящими друзьями, и теперь он терпеливо обучал меня воинскому искусству. С мечом я еще как-то справлялась, но лук и стрелы были для меня настоящим испытанием. — Я заметил, что в последнее время ты чем-то обеспокоена. Неужели это из-за неудач на стрельбище?

Я отрицательно покачала головой, не находя слов, чтобы поделиться с другом своими тревогами. Сны, в которых я путешествовала по вселенным, не отступали. Они преследовали меня каждую ночь, лишая сил.

Мы сидели на земле, наслаждаясь видом. Канут увлеченно рассказывал какую— то историю из своей жизни, когда внезапно из— за скалы, отделяющей бухту от бескрайнего моря, показались драккары.

— Кто это? — спросила я.

Канут проследил за моим взглядом.

— Не знаю, — ответил он.

— Думаю, нам следует вернуться и предупредить Алрика.

— Подожди, Мара, — Канут схватил меня за руку. — Посмотри.

Я снова повернулась к морю. Драккары стремительно приближались. Их резные носы, изображающие головы драконов, зловеще рассекали волны. На палубах виднелись силуэты воинов. Их было много, слишком много. И они не выглядели как мирные торговцы.

— Они вооружены, — прошептала я, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

— Их флаги... я никогда таких не видел, — добавил Канут, его голос звучал напряженно. — Это не наши союзники, Мара. И не те, с кем мы ведем торговлю.

Я вскочила на ноги. Сердце бешено колотилось в груди.

— Нужно предупредить Алрика! — выкрикнула я, взлетая в седло.

— Мара, мы не успеем. Они слишком близко.

— Мы должны постараться!

***

Мой конь летел, как пущенная стрела. Канут едва поспевал за мной. Однако он оказался прав: мы опоздали.

Горящие крыши домов оглушительно трещали. Всюду лежали мертвые тела. Женщины, которые не успели укрыться в главном доме, подвергались насилию со стороны воинов, облаченных в черные доспехи. Мужчины деревни сражались, не щадя себя, но противник был сильнее.

Я почувствовала, как кровь стынет в жилах. Это был не просто набег, это была резня. Взгляд выхватывал знакомые лица, искаженные предсмертной гримасой: старый кузнец, чьи могучие руки теперь безвольно раскинулись в пыли; молодая мать у колодца, прижимающая к груди бездыханное дитя. Слезы обожгли глаза, но я смахнула их. Сейчас не время для слабости.

Вдруг мой взгляд выхватил Зельму. Она металась в толпе, отчаянно пыталась спасти женщин, но двое здоровяков скрутили ее и потащили к столбу. Она отчаянно защищала свой живот, но враги лишь смеялись. Когда Зельма выхватила кинжал, один из нападавших с размаху ударил ее по лицу.

Мой рассудок померк. Я не думала, просто действовала. Мой конь, словно почувствовав мою решимость, рванул с места, неся меня вниз по склону. Канут, выругавшись, последовал за мной.

— Мара! Стой!

— Мы должны что-то сделать! — прошептала я. Мой голос дрожал от ярости и отчаяния.

Мы врезались в гущу боя, как две разъяренные фурии. Мой меч, легкий и острый, мелькал, отбивая удары и находя уязвимые места. Я чувствовала прилив адреналина, каждый удар был наполнен яростью и болью за мой народ. Канут, с его тяжелым топором, прорубал себе путь. Его мощные удары сбивали врагов с ног. Мы сражались спина к спине, отбиваясь от наседающих воинов. Каждый удар давался с трудом, каждый вздох обжигал легкие. Я видела, как Канут получает удар по плечу, но он лишь стиснул зубы и продолжал сражаться.

Алрик, силы которого иссякали под бесконечными ударами захватчиков, старался отбить жену, но его движения становились все медленнее, а щит, испещренный зарубками, едва держался в ослабевшей руке. Он видел, как я, словно демон, прорубала себе путь сквозь вражеские ряды, и в его глазах мелькнула искра надежды. Каждый взмах моего меча был смертоносен, каждый удар – точен и беспощаден. Я не слышала криков, не видела лиц, лишь размытые силуэты, которые нужно было устранить. Моя цель была ясна: Зельма. Я должна была добраться до нее, пока не стало слишком поздно. Впереди, сквозь мельтешение тел, я увидела ее – прижатую к земле, с растрепанными волосами и испуганными глазами, окруженную несколькими крупными воинами. Мой гнев вспыхнул с новой силой, превращаясь в чистое, неудержимое исступление. Я рванулась вперед, игнорируя боль от мелких порезов и ушибов, которые наносили мне враги. Мой меч пел, рассекая воздух, и каждый его аккорд означал чью-то смерть.

В вихре схватки, где каждый удар мог стать последним, Канут, словно нерушимая стена, прикрывал меня, расчищая путь. Лишь в этот момент, когда смерть дышала в затылок, я по-настоящему осознала мощь этого неразговорчивого воина, его непоколебимую решимость. Наконец, я вырвалась к главному дому. Чужеземцы, ослепленные своей жестокостью, даже не подняли глаз, продолжая глумиться над Зельмой, чьи стоны разрывали воздух.

Это стоило им жизни. Два быстрых удара прекратили их существование.

Тяжелое дыхание вырывалось из груди, когда я опустила меч, обагренный кровью. Зельма, чьи глаза были полны слез от пережитого ужаса, медленно подняла голову. Я помогла ей встать на ноги и направила к дому, где за толстыми, надежными дверями она могла укрыться от вражеского натиска.

— Мара, спаси Алрика! — прошептала госпожа, заметив своего мужа, окруженного врагами.

— Сначала я должна убедиться в твоей безопасности, — ответила я, с трудом отворив тяжелый засов и распахнув дверь.

Как только Зельма скрылась в доме, где нашли приют женщины и дети, я бросилась к вождю.

Мой взгляд скользнул по полю боя, где каждый клочок земли был пропитан кровью и отчаянием. Вокруг Алрика кипела яростная схватка. Враги, словно голодные волки, набрасывались на него, но он, несмотря на раны, держался с невероятным упорством. Я почувствовала, как адреналин хлынул в жилы, обостряя все чувства. Меч в моей руке стал продолжением воли, готовой рубить и защищать.

Я отбивала удары, парировала выпады, каждый раз стараясь создать хоть небольшое пространство для вождя. Его дыхание было прерывистым, но глаза горели решимостью. Он кивнул мне, безмолвно благодаря за поддержку, и это придало мне новые силы. Мы сражались спина к спине, единым целым, против превосходящих сил противника. Звон стали, крики раненых, хриплые возгласы нападавших – все слилось в оглушительную симфонию смерти.

В какой-то момент я заметила, как один из врагов, более крупный и свирепый, чем остальные, замахнулся на Алрика сбоку. Не раздумывая, я бросилась вперед, перехватывая удар своим телом. Острая боль пронзила плечо, но я не выпустила меч. Мой ответный удар был точен и беспощаден. Враг рухнул, а я, стиснув зубы, продолжила бой, чувствуя, как теплая кровь стекает по руке.

Отступление было немыслимо. За нашими спинами, как нерушимая стена, стояли наши женщины и дети – живое сердце нашего племени. Каждый взмах меча, каждый отбитый удар был не просто движением, а клятвой, высеченной в воздухе. Я видела, как Алрик, собрав воедино последние искры своей воли, обрушил на врага удар такой силы, что их ряды пошатнулись, словно под порывом урагана.

На мгновение их уверенность дрогнула, и я поняла: это наш единственный путь вперед, путь к победе или смерти. Мы бились, слившись в единый, неудержимый порыв, не зная страха, лишь ярость и решимость. Воины, которые все еще были способны держать оружие в руках, присоединились к нам, помогая одолеть недруга. Спустя несколько мучительных минут все было кончено.

Когда последний враг пал, тишина, казавшаяся оглушительной после грохота битвы, окутала нас. Мы стояли, тяжело дыша. Наши тела были покрыты потом и кровью, но взгляды были полны триумфа. Я посмотрела на Алрика. Его лицо было изможденно, но в глазах горел огонь победы. Мы выстояли. Мы защитили тех, кого любили. И в этот момент, несмотря на боль и усталость, я чувствовала лишь глубокое удовлетворение и гордость за наш народ.

Женщины и дети, которые были нашим щитом, теперь выходили из укрытий. Их глаза сияли облегчением и восхищением. Матери обнимали своих сыновей и мужей, слезы радости смешивались с грязью и кровью на их щеках. Дети, еще недавно дрожавшие от страха, теперь с любопытством рассматривали поверженных противников. Их детские лица освещались лучами солнца, пробивающимися сквозь дым.

Я опустила меч, чувствуя, как ноющая боль в плече становится все сильнее. Алрик подошел ко мне, его взгляд был полон уважения и благодарности. Он положил руку мне на плечо, осторожно, чтобы не причинить еще большей боли.

— Ты спасла меня, и ты спасла нас всех, — прошептал он, его голос был хриплым от напряжения.

Я лишь кивнула, не в силах говорить. Слова казались ничтожными перед лицом того, что мы пережили. Мы были единым целым, единым духом, который не сломить. Эта битва стала не просто защитой, а утверждением нашей силы, нашей воли к жизни. Мы доказали себе и врагам, что наш народ не сдается, что мы готовы сражаться до последнего вздоха за тех, кто нам дорог.

По мере того, как раненых уносили, а тела павших собирали, я чувствовала, как усталость накатывает волной. Но вместе с ней приходило и осознание: мы выжили. Мы победили. И эта победа, добытая ценой крови и боли, сделала нас только сильнее. Мы были не просто воинами, мы были хранителями нашего племени, нашей истории, нашего будущего.

— Интересно, кто же осмелился напасть на нас? — Раненый Канут подошел к нам и задумчиво посмотрел в сторону бухты, где дрейфовали пустые драккары. Лишь одно судно, словно призрак, спешно удалялось, оставляя за собой пенный след.

— Да тут и думать нечего: это были псы Олафа. Он сменил цвета своих знамен, оттого мы и не признали их сразу. Но я собственными глазами видел, как его первый воин пал от клинка Мары.

— Хм… значит, он все-таки решил вернуться? Интересно, а где он сам?

— Судя по всему, на том корабле, что поспешно отчалил, как только стало ясно, что удача повернулась к нам лицом.

— И ты хотел выдать меня замуж за этого труса? — в моем голосе сквозила насмешка, когда я посмотрела на вождя.

— Это было огромной ошибкой, — улыбнулся в ответ Алрик и огляделся по сторонам. — Теперь нам предстоит много работы, чтобы устранить ущерб, нанесенный этими варварами. Но сегодня отпразднуем победу. Поэтому отправляйся в помывочную и приведи себя в порядок. А то даже у меня твой вид вызывает ужас. Я пришлю к тебе лекарку, чтобы обработала раны.

— Не беспокойся, я и сама могу перевязать порезы, — ответила я, чувствуя, как по телу разливается тепло от слов Алрика, несмотря на боль. Победа, пусть и омраченная потерями и ранениями, ощущалась как глоток свежего воздуха после долгой бури.

После изнурительной битвы я провела несколько блаженных часов, погруженная в горячую воду, позволяя ей смыть усталость и напряжение. Мой покой был прерван появлением госпожи, которая принесла с собой свежие бинты и флаконы с бальзамами. С заботой обработав мои раны, она укутала мои плечи в мягкую льняную ткань и проводила в дом.

— Ну что, теперь ты убедилась в истинности пророчества? — спросила она, едва мы переступили порог спальни.

— Зельма, ты снова за старое? Это всего лишь череда совпадений.

— А я нисколько не сомневаюсь, что это исполнение предсказания!

Спорить с ней было выше моих сил, да и желания не возникало. Сбросив простыню, я потянулась к сундуку, чтобы выбрать платье. Но Зельма остановила меня.

— Погоди. Тебя ждет особенный наряд. Прикройся пока, а я распоряжусь, чтобы его принесли.

Я поплотнее завернулась в простыню. Госпожа приоткрыла дверь и велела принести доспехи, что хранились в сокровищнице вождя.

Когда их внесли, Зельма попросила всех выйти, сказав, что сама поможет мне одеться.

Это были легкие кожаные доспехи с металлическими вставками, дополненные высокими шнурованными сапогами из мягкой кожи и тонкой туникой насыщенного голубого цвета. Я с удивлением отметила, что амуниция сидит на мне как влитая. Но на этом все не закончилось. Теперь дело было за прической. Госпожа заплела мои волосы в сложную косу, напоминавшую хребет дракона, и украсила ее серебряными кольцами. Зельма объяснила, что каждое из них символизирует поверженного мною врага.

— Теперь ты готова, — сказала она, отступив и любуясь своим творением. — Сегодня к нам пожаловала сама посланница богов!

— Только не говори, что твоя шаманка тут.

— Именно! Она прибыла сюда совсем недавно, чтобы лично воздать тебе почести за спасение племени.

— Знаешь, мне кажется, это излишне. Мне вполне достаточно того, что ты невредима, а Алрик и Канут живы. Да и, судя по шуму, вождь устроил настоящий пир.

— Мара, чего ты испугалась? Недавно ты билась против свирепых воинов! А теперь дрожишь от мысли предстать перед простой шаманкой!

Я прикусила губу. Откуда ей было знать, что мы уже встречались. И эта странная женщина вызвала у меня только стойкую неприязнь.

Выбора не было. "Пусть свершится неизбежное", — решила я, готовясь к худшему. А вдруг шаманка окажется вполне приятной особой?

В зале уже вовсю гремел пир. Из погреба выкатили бочки с пенным ячменным пивом и сладкой медовухой. Стол ломился от яств: хлеб, мясо, сыр, овощи – всего в изобилии. Алрик, как всегда, восседал во главе, но на этот раз рядом с ним были приготовлены два кресла.

Мое сердце забилось чаще. Неужели это для меня? Чем ближе я подходила, тем яснее становилось, что второе кресло действительно предназначалось для кого-то особенного. Оно было украшено резьбой, а на спинке лежала мягкая шкура. Неужели это и есть место шаманки? Или, быть может, Алрик решил сделать мне сюрприз? Мысли роились в голове, не давая покоя.

— Вот это да! — воскликнул вождь. — Не знай я, что передо мной названная сестра возлюбленной жены, а теперь и моя, подумал бы, что нас посетила сама валькирия!

Алрик вытащил свой клинок из ножен и положил его передо мной на стол. Я была в растерянности, не зная, что мне делать и как реагировать. Ситуацию спасла госпожа.

— Принеси клятву верности своему вождю, как и полагается воину, — прошептала Зельма, склонившись к моему уху.

Я почувствовала, как щеки заливает краска, но послушно опустила ладонь на холодную сталь меча. Слова Зельмы звучали как наставление, но в них была и забота, и понимание моего замешательства. Алрик, казалось, оценил мою покорность и быстроту реакции. Его улыбка стала шире, а взгляд смягчился.

— Я, Мара, — начала я. Мой голос, на удивление, звучал твердо и ясно, — клянусь в верности тебе, Алрик, вождю этого племени. Клянусь защищать твой народ, твою семью и твою землю до последней капли крови. Мой меч будет твоим мечом, моя сила – твоей силой. Я буду следовать твоим приказам и чтить законы клана. Пусть боги будут свидетелями моей клятвы.

— Да будет так, — произнес он, и его голос эхом разнесся по залу. — Отныне ты – часть этого племени. Твоя клятва принята. Клятва воина – это не просто слова, это кровь и честь. Ты показала, что понимаешь это. Это кресло, что стоит по левую руку от меня, твое по праву. Займи же свое место за столом, чтобы вместе с нами отметить славную победу!

Зельма улыбнулась мне, ее глаза светились одобрением. Я сделала первый шаг в новую жизнь, и этот шаг был сделан под взглядом вождя, который принял меня в свою семью.

Зал наполнился одобрительными возгласами. Воины, сидевшие за длинными столами, подняли свои кубки, приветствуя меня. Я почувствовала, как плечи расправляются, а страх уступает место уверенности. Это было не просто приглашение на пир, это было приглашение стать частью их мира, их истории. Я огляделась, замечая, как другие женщины клана, жены и дочери воинов, смотрят на меня с любопытством и, возможно, с некоторой долей настороженности, но без враждебности. Я была чужой, но теперь меня приняли.

Внезапно все смолкли. Повернувшись, я увидела, как острый взгляд старухи впился в меня.

— Как я погляжу, пир в честь великой победы уже в самом разгаре.

— Приветствую тебя, посланница богов, — улыбнулась Зельма. — Проходи, присаживайся, раздели с нами этот момент.

— Благодарю, но мне не до веселья и хмельного меда. Я пришла за платой, которую ты обещала за то, что я приоткрою тебе завесу будущего, госпожа.

— И чего же ты желаешь?

Улыбка шаманки сменилась зловещим оскалом.

— Отдай чужеземку, и мы в расчете.

Алрик, не сдержавшись, вскочил с места, его голос дрожал от негодования.

— Ты совсем из ума выжила, старуха?! Мара отныне одна из нас!

— Успокойся, вождь, — усмехнулась старуха. — Твоя жена поклялась на крови, что отдаст мне первое, что я потребую, если раскрою ей будущее. Как видишь, мое пророчество сбылось.

Зельма, пребывая в замешательстве, переводила взгляд с меня на своего мужа.

— Может, попросишь что-нибудь другое? В сокровищнице моего супруга есть диковинки со всего света. Любая из них стоит целого состояния.

— Нет. Это единственная плата, которая мне нужна.

— Прости, но это невозможно, — ответила Зельма. — Мара не рабыня. Она моя сестра по духу, моя подруга.

Госпожа сняла с шеи янтарный клык, испещренный рунами, в тонкой золотой оправе.

— Этот амулет достался моей матери в качестве свадебного подарка от самой богини Фригг.

Шаманка взяла предложенное украшение и несколько минут пристально разглядывала его, словно думая о чем-то. Наконец, придя к какому-то решению, она вернула кулон Зельме.

— Твой дар ценен, но, к сожалению, он мне не нужен. Очень жаль, что ты не сдержала данное слово, госпожа. Помни: каждое пророчество имеет свою цену, и не всегда она видна сразу.

С этими словами старуха повернулась и, не оглядываясь, пошла прочь. Ее фигура исчезла за дверью, оставив после себя лишь легкий запах трав и чего— то неуловимо древнего. Я чувствовала, что что-то изменилось. Не только в воздухе, но и в самой Зельме.

— Что это значит? — нахмурился Алрик.

— Кто поймет этих шаманов? — пожала плечами Зельма. — Но не стоит переживать. Она никогда не навредит нашему племени. Потому давайте продолжим праздновать победу!

В воздухе витал запах жареного мяса и крепкого пива, смешиваясь с ароматом дыма от костра, который доносился из открытых дверей. Воины шумно обсуждали прошедшую битву, пересказывая самые яркие моменты. Их голоса сливались в единый гул, создавая атмосферу всеобщего ликования. Я же, сидя рядом с Алриком, чувствовала себя немного отстраненной от этого бурного веселья. Мои мысли возвращались к загадочным словам шаманки и к тому, что они могли означать.

Зельма, заметив мое молчание, ласково коснулась моей руки.

— Ты чего, милая? Тебе не нравится праздник? — спросила она с улыбкой.

— Нет, все хорошо, Зельма, — ответила я, стараясь придать голосу бодрости. — Просто задумалась немного.

Алрик, услышав наш разговор, повернулся ко мне. Его глаза, обычно полные решимости и силы, сейчас светились теплотой.

— Не думай о плохом, — сказал он, его голос был низким и успокаивающим. — Сегодня день нашей победы. Мы должны радоваться.

Он протянул мне кубок с медом, и я сделала глоток. Сладкий напиток согрел меня изнутри, и я почувствовала, как напряжение постепенно отступает. Я посмотрела на Алрика и Зельму, на их счастливые лица, и поняла, что они правы. Не стоит омрачать этот вечер своими тревогами.

Внезапно лицо госпожи исказила гримаса мучительной боли. Она подалась вперед, и с ее губ сорвался полный страдания крик, который в тот же миг заставил замолчать всех присутствующих. Вождь с тревогой посмотрел на свою жену, которая скорчилась от очередного приступа.

— Дорогая, что с тобой?!

— Похоже, началось, — прошептала госпожа. На ее лбу выступила испарина.

— Но как же так? Ведь еще рано! — Вождь беспомощно наблюдал за ней.

Не теряя ни секунды, я бросилась к Зельме и помогла ей подняться.

— Алрик, отправь за повитухой.

— Но…

— Вождь, если ты не поторопишься, она родит прямо здесь!

Алрик словно очнулся.

— Живо! Позовите Аннели!

В зале развернулся настоящий цирк абсурда. Те, кто еще мог стоять, носились как угорелые в поисках повитухи, постоянно спотыкаясь о тех, кто уже сдался гравитации. Собаки видимо решили, что это отличный повод для массовой атаки. А тут еще кто— то приволок пьяного корабела, который до этого мирно храпел, словно медведь в берлоге. Выяснилось, что это не тот, кого искал вождь, и попытки вернуть его в объятия Морфея обернулись фиаско. Корабел, возмущенный прерванным сном, начал извергать проклятия. Один из воинов, видимо, решил, что «удар по голове» – универсальное средство от всех проблем, но вместо вырубленного тела получил разъяренного двухметрового быка. Началась эпическая битва с мебелью и посудой в главных ролях. И только Зельма, впервые повысившая голос до такой степени, что все застыли, смогла остановить этот балаган. Ее команды, звучавшие как список дел для сумасшедшего дома, были бесподобны:

— А ну прекратили! Что вы тут устроили?! Ивар! Быстро опусти котелок! Нет! Не на голову Борна! Его и так слишком часто бьют! Отто, не топи Свена! Фиске! Я тебя вижу! Алрик, хватит пялиться! И кто— нибудь, найдите Аннели!

Зельма схватилась за живот и застонала от очередной схватки.

Внезапно из толпы выскочил мальчишка, запыхавшийся и с широко распахнутыми глазами.

— Аннели нашлась! — объявил он. — Она у коровника, помогает с теленком.

— Хвала богам, — в голосе госпожи звучало облегчение. — А теперь все по местам! Ивар, неси котелок обратно на очаг. Отто, вытащи Свена из бочки, он же захлебнется! Фиске, разверни Дагена, он уже задыхается в этом гобелене! Алрик, помоги дойти до комнаты.

Не мешкая, вождь подхватил свою возлюбленную и понес ее наверх. В их спальне он уложил ее на кровать. Его взгляд метался по женщинам, окружившим ложе, словно он искал спасения.

Я поспешила вытолкать его из комнаты, поняв, что еще немного, и этот грозный воин рухнет в обморок.

— Все— таки шаманка сумела отомстить, — прошептала Зельма между схватками. — Мое дитя… еще слишком рано…

— Хватит причитать, — нахмурилась я, убирая влажные пряди со лба госпожи. — Вот увидишь, все будет хорошо.

— Нет. Я чувствую, как моего малыша изгоняют из тела.

— Зельма! Это всего лишь роды! Раз они начались, значит, пришел срок.

— Мара, прошу, только не уходи, — в глазах Зельмы я увидела ничем не прикрытый животный страх.

— Конечно, я останусь, — заверила я ее.

Вскоре появилась женщина средних лет в простом сером платье. Она внимательно осмотрела роженицу, и в ее взгляде я прочла беспокойство.

— Беда, — прошептала Аннели, отводя меня в сторону. — Пуповина обвилась вокруг шеи младенца.

— И как быть? — спросила я.

— Ей не родить самой. Будем помогать. Выпроводи всех и запри дверь на засов.

Я сделала, как попросила повитуха. Женщины, конечно, возмущались, что нарушается обряд, но спорить с ними было некогда. Аннели уже приготовила свои инструменты.

Сжав губы, она склонилась над роженицей. Ее движения были быстрыми и уверенными, несмотря на очевидную сложность ситуации. Я стояла рядом, чувствуя, как холодеет кровь в жилах от осознания опасности. В комнате повисла напряженная тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием роженицы и тихим шепотом Аннели, отдающей мне короткие указания. Я подавала ей то чистую ткань, то таз с водой, стараясь не мешать и быть максимально полезной. Время тянулось мучительно медленно, каждый миг казался вечностью. За дверью слышались приглушенные голоса возмущенных женщин, но сейчас это было совершенно неважно. Весь мир сузился до отчаянной схватки за две хрупкие жизни.

Роды оказались настоящим испытанием для Зельмы — у нее почти не осталось сил. Временами она теряла сознание, погружаясь в полное забвение. Аннели тихо выругалась, понимая, что нужно действовать быстро.

— Мара, перекинь руку через живот, ближе к груди, и когда я скажу, резко нажми вниз.

Я сделала, как мне сказали. Через несколько минут Аннели подняла сморщенного малыша с синеватым оттенком кожи. Ребенок висел у нее на руке, словно безжизненная тряпочка. Пуповина была туго обвита вокруг крошечной шеи. Повитуха перерезала удушающие петли и начала встряхивать маленькое тело, но малыш не подавал признаков жизни.

— Боюсь, он умер, — сказала она, завернув ребенка в чистую ткань. — Ничего не поделаешь, такова воля богов. Очень жаль.

Я нахмурилась, подошла к Аннели, взяла у нее ребенка и положила его на кровать. Освободив рот и нос от слизи с помощью тряпочки, намотанной на палец, я начала вдыхать живительный воздух в крошечный ротик.

— Что ты делаешь?! Остановись! Ты навлечешь проклятье на весь род!

— Не подходи, — прорычала я, на секунду отрываясь от своего занятия. Было в моем взгляде нечто такое, что заставило повитуху отступить.

Она выскочила за дверь, а я осталась бороться за жизнь новорожденного. Я чувствовала, как в груди нарастает паника, но старалась дышать ровно, сосредоточившись на каждом движении. Сердце младенца казалось таким хрупким, таким далеким. Я продолжала, вдувая воздух, массируя грудную клетку, надеясь на чудо.

Через минуту в комнату ворвался Алрик. На его лице отражалась целая гамма чувств: он с ужасом, трепетом и какой— то долей надежды смотрел на мои попытки оживить кроху.

Внезапно я услышала слабый, едва различимый вздох. Затем еще один. Малыш зашевелился, его крошечные пальчики сжались. Я почувствовала, как напряжение покидает мое тело, уступая место облегчению.

— Он жив… — беззвучно выдохнула я.

И тут же, словно в подтверждение, младенец издал оглушительный крик.

Изможденная, я опустилась на пол, прислонившись спиной к кровати, и позволила векам сомкнуться.

— Поздравляю… — прохрипела я. — Аннели, займись Зельмой. Она все еще без сознания.

Вождь, с трудом передвигая ноги, подошел к кровати и дрожащими руками поднял своего новорожденного сына. Его глаза блестели от слез радости.

— На этот раз я перед тобой в неоплатном долгу, — сказал он, глядя на меня

— Не благодари, — ответила я, бросив усталый взгляд на Алрика. — Главное, чтобы ты вырастил из него достойного преемника.

— Обещаю. Но я хотел бы попросить тебя еще об одном. Это, конечно, нарушает все традиции, но не могла бы ты дать имя моему сыну?

Я взяла пищащий сверток и, вглядываясь в крошечное личико, произнесла:

— Матиас. Пусть его имя будет Матиас.

Алрик с довольной улыбкой забрал сына.

— Хорошее имя. Думаю, Зельме понравится.

В этот момент нас окликнула Аннели.

— Что-то не так с госпожой. Она спит, но это какой— то странный сон.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, поднимаясь на ноги.

— Она не просыпается. Я перепробовала все, но совершенно не знаю, что делать. Даже плач младенца не может ее разбудить.

Алрик, мгновенно посерьезнев, передал сына Аннели.

— Позаботься о нем. — Присев на край кровати, он взял руку Зельмы и прижал ее к своей щеке. — Любимая, проснись. Наш сын родился. Матиас. Ты должна его увидеть.

Его голос дрожал, но женщина оставалась неподвижной.

— Это не обычный сон, — прошептала я, обходя кровать. — Это похоже на… глубокое забытье. Или, возможно, на заклятие.

Алрик резко поднял голову.

— Заклятие? Кто мог это сделать? И зачем?

— У меня есть предчувствие, что это дело рук шаманки, — поделилась я.

— О чем ты говоришь? — нахмурился Алрик, его брови сошлись на переносице.

— Кулон на шее Зельмы, который она предложила в счет оплаты. Раньше он не светился.

— Ты уверена?

— Нет. Но, возможно, я знаю того, кто сумеет подтвердить или опровергнуть мои подозрения.

— Мара, ты можешь его позвать?

— Думаю, да. Но боюсь, что явившийся на мой зов гость придется вам не по вкусу.

— После того, как ты спасла моего сына, я готов довериться тебе без колебаний.

— Тогда оставайтесь здесь и ни в коем случае не прикасайтесь к Зельме. Я скоро вернусь.

Словно подгоняемая невидимой силой, я выскочила из комнаты и устремилась к конюшне. Мой скакун, чуя нечто важное, был оседлан в мгновение ока, и мы, словно единое целое, вырвались из деревни.

Мой путь лежал к священной роще, что приютилась за деревней. Зельма, с ее непоколебимой верой, часто бывала там, шепча молитвы богам и утверждая, что именно в этом месте их слух особенно чуток.

Спешившись у кромки леса, я ступила под сень деревьев, пока не вышла к древнему капищу, выложенному из исполинских камней. Оставив мирское оружие за пределами святилища, я вошла внутрь круга.

— И как же это, черт возьми, делается? — пробурчала я, чувствуя себя полнейшей дурой. Но отступать было поздно. Я подняла руки к небу и затянула такой вой, что, казалось, сам воздух застонал. — Локи— и— и! Приди, услышь меня!

Но в ответ — тишина, только птички поют.

— Ладно, попробуем иначе, — я встала на колени, медленно закипая от гнева. — О, великий бог обмана и коварства, чтоб тебе пусто было! Откликнись на зов смертной, которой очень нужна твоя помощь! Если ты этого не сделаешь, я буду долбить тебя молитвами каждый день, пока твои уши не потекут кровью! Так что, будь добр, подними свою божественную задницу и явись, когда тебя зовут!

— Браво! Никогда прежде не слышал, чтобы так красноречиво подписывали себе смертный приговор!

Знакомый до боли голос заставил меня вздрогнуть. Резко обернувшись, я увидела Локи, прислонившегося к каменной плите. Он с интересом смотрел на меня, скрестив руки на груди.

Его облик изменился: вместо привычного плаща теперь было длинное полупальто, а его тело защищали доспехи из черной кожи, украшенные зелеными и золотыми вставками.

— И давно ты тут?

— Давно, — усмехнулся Локи, не меняя позы. — Достаточно давно, чтобы оценить твой... энтузиазм. И твою наглость.

Я сглотнула, пытаясь унять внезапно возникшую дрожь. Его взгляд, обычно полный насмешки, сейчас был пронзительным, словно он видел меня насквозь.

— Если честно, мне казалось, что ты не придешь, — пролепетала я, чувствуя, как краснеют щеки.

— Изначально я и не планировал здесь появляться. Особенно в таком месте, как святилище Одина, — усмехнулся он, отстраняясь и делая шаг в мою сторону. — Но должен признать, твоя откровенность, особенно когда дело касается дерзости по отношению к богам, весьма привлекательна.

Я невольно поежилась. Несмотря на его шутливый тон, в его присутствии ощущалась мощь, от которой по спине пробегал холодок.

— Так что тебе нужно, смертная? — спросил он. Его голос стал тише, но от этого не менее властным.

Я собралась с духом. Это был мой шанс.

— Мне нужна твоя помощь, Локи. Очень нужна. Близкий мне человек попал в беду, и только тебе под силу помочь.

Он склонил голову набок. Его голубые глаза изучающе скользнули по моему лицу.

— Беда, говоришь? Интересно. Рассказывай. И постарайся не упустить ни одной детали. Мне нравится, когда истории полны интриг. И, возможно, немного обмана. Кстати, можешь подняться. Мне, конечно, нравится видеть молодых дев на коленях, но не в твоем исполнении.

Я вскочила, быстро отряхивая прилипшую траву.

— Зельма.

— Что, Зельма? Мне бы чуть больше информации.

— Мы не можем ее разбудить.

Локи тяжело вздохнул.

— Ладно, давай сначала. Я, конечно, не дурак, но даже мне трудно понять весь масштаб проблемы по двум словам.

— Сегодня во время праздника у Зельмы начались роды. Они были очень тяжелыми. Но ребенок выжил. А вот госпожа уснула глубоким сном и никак не просыпается.

— А вы не пробовали дать ей просто отоспаться? Ну, это же логично: тяжелые роды, усталость. Знаешь, организм человека так устроен, что ему нужен отдых, чтобы восстановиться.

— Слушай, не надо со мной как с ребенком разговаривать. Если бы это было простое переутомление, я бы к тебе не пошла. Тут что-то другое. Перед родами на пир пришла шаманка. Зельма ей кое-что задолжала, но не смогла расплатиться. И предложила ей украшение, которое подарила одна из ваших. Старуха сначала взяла кулон, но потом отказалась от платы и вернула его Зельме.

— Подожди-ка, — нахмурился Локи. — А чей именно дар Зельма ей вручила?

— Какой-то Фригг.

Локи тихо выругался.

— Дай угадаю, это кусочек янтаря в виде клыка.

— Да. Откуда ты знаешь? — удивилась я.

— Потому что я сам лично подарил его Фригг. Этот амулет обладает нехилой магией. А она вручила его смертной, которая усердно поклонялась ей на протяжении всей своей жизни, — пробурчал Локи.

— Но…

— Слушай, сейчас не до твоих вопросов. Где твоя лошадь?

— У опушки.

— Тогда нам лучше поспешить, если хочешь спасти свою подругу.

— Подожди, — остановила я его. — Ты же можешь просто перенести нас в деревню, разве нет?

— С чего ты взяла, что я это умею?

— Ну, ты же всемогущее божество, которое перемещается между мирами!

— Не улавливаю связь. Перемещение между мирами – это наука. А вот перемещение в пространстве – это уже из области фантастики.

— И это говорит тот, кто превращает руки в факелы одним усилием мысли?

— Я бы с удовольствием объяснил тебе тонкости божественных способностей, но сейчас не до этого.

Наш разговор продолжался, пока мы не вышли к месту, где я оставила своего коня. Локи ловко вскочил в седло и протянул мне руку. Я замешкалась, глядя на его тонкую ладонь. Он заметил мое колебание и тяжело вздохнул.

— Слушай, не стоит меня бояться.

— Я не боюсь. Просто мое седло рассчитано на одного наездника.

— Не вижу проблемы, — ответил Локи. Он резко наклонился, схватил меня за руку и одним движением поднял в седло, усадив к себе на колени.

Оказавшись в его объятиях, я окаменела, словно изваяние.

— Расслабься, я не кусаюсь, — прошептал он, склонившись к моему уху.

Я ощутила его дыхание на щеке. А в нос ударил дурманящий аромат, который был присущ только ему.

— Зато я очень даже, — пробурчала я, стараясь отодвинуться подальше. Локи, казалось, не обратил на это никакого внимания. Он лишь крепче обхватил меня одной рукой, а другой взял поводья.

— Держись, — бросил он, и прежде чем я успела что— либо ответить, конь рванул с места.

Ветер свистел в ушах, раздувая мои волосы и одежду. Я инстинктивно вцепилась в гриву, прижавшись спиной к Локи. Скорость была невероятной, деревья мелькали по сторонам, сливаясь в сплошную зеленую полосу. Я никогда не ездила так быстро, и, несмотря на неловкое положение, в груди поднимался какой— то дикий восторг.

Я поняла, что он ведет коня через лес, по каким-то едва заметным тропам, которые обычный человек и не заметил бы. Это было рискованно, но Локи, казалось, полностью контролировал ситуацию.

— Что это за дорога? — крикнула я, пытаясь перекричать ветер.

— Звериная тропа, которая ведет к твоей деревне, — отозвался Локи, его голос звучал спокойно, несмотря на бешеную скачку. — Так будет быстрее.

Через некоторое время, которое показалось мне и вечностью, и мгновением, он ослабил поводья.

— Мы почти на месте, — сказал Локи, переведя коня на легкую рысь.

Спустя несколько минут мы уже ехали по деревенским улицам, провожаемые любопытными, а порой и настороженными взглядами местных жителей, чьи лица мелькали в окнах и дверных проемах.

Спешившись у главного дома, мы поспешили в покои госпожи. Там уже собралась целая толпа. Алрик сидел у кровати, беспомощно глядя на жену и умоляя ее очнуться, но безрезультатно.

Наше появление вызвало на его лице целую бурю эмоций.

— Мара! Слава богам, ты вернулась! Стало только хуже.

Зельма лежала, едва живая. Ее уже успели привести в порядок: переодели и вымыли. Черные пряди волос обрамляли лицо, бледное как полотно. Дыхание было почти неощутимым, под глазами залегли темные круги.

— Вождь, — тихо позвала я, кладя руку ему на плечо. — Со мной пришел тот, кто может помочь.

Алрик поднял глаза и пристально посмотрел на Локи, стоявшего у меня за спиной.

— Я знаю тебя, — прошептал он. — Ты бог коварства и лжи. Разве тебе можно доверять?

— Алрик, пожалуйста, поверь, он действительно может помочь, — вмешалась я.

— С какой стати ему это делать?

— Скажем так, у меня возникло внезапное желание сделать доброе дело, — пожал плечами Локи.

— В это как— то слабо верится.

— По правде говоря, мне совершенно безразлично, веришь ты мне или нет. Я помогаю не тебе, а той смертной, что обратилась ко мне. Так что отойди и позволь осмотреть твою жену. Но если ты против, я займусь своими делами.

Неуверенность вождя была очевидна, но вид увядающей Зельмы развеял его колебания. Он поднялся и отошел в сторону.

Локи подошел ближе и склонился над женщиной, пристально вглядываясь в мертвенно бледное лицо. За спиной слышался гул голосов.

— Смертная, пусть все уйдут, — произнес Локи, не поворачиваясь.

Я поспешила выполнить его просьбу. Вытолкав за двери всех, кроме Алрика, я вернулась к кровати.

Локи осторожно отвернул ворот сорочки, обнажая медальон на шее госпожи. Янтарь вспыхнул еще ярче, и бог коварства нахмурился.

— Похоже, это проклятие. Камень высасывает из нее жизненные силы и перенаправляет их в другое тело, — сказал он, повернувшись к нам.

— Тогда нужно его снять, — Алрик метнулся к Зельме, но Локи остановил его.

— Это вряд ли поможет. Янтарь всего лишь проводник. Даже если ты его снимешь, проклятие не исчезнет.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Можно. Для начала надо найти ведьму, которая прокляла медальон. Только она может разрушить связь.

— Но как это сделать?

— Это самое простое, — усмехнулся Локи, коснувшись холодного лба женщины.

После мучительно долгих минут он вновь повернулся к нам.

— Я знаю, где искать старуху. Однако, боюсь, мы можем не успеть добраться до нее вовремя.

— Ты намекаешь, что шансов нет?

— Отнюдь, — Локи извлек из кармана небольшой флакон из темного стекла. — Этот эликсир поможет ей продержаться до моего возвращения. Но зачем мне расходовать такое сокровище на простую смертную?

— Что ты хочешь взамен? — Алрик безошибочно уловил суть вопроса.

— Да пустяки. Всего— то рубин из твоей сокровищницы.

— К чему богу простой самоцвет?

— Люблю все блестящее, — усмехнулся Локи. — Но если ты не готов с ним расстаться, то я не настаиваю.

Выражение лица Алрика мгновенно изменилось.

— Я отдам тебе рубин, как только Зельма очнется, — сказал он, протягивая ладонь.

— Мудрое решение, — Локи сунул ему в руку флакон. — Запомни: ежедневно по две капли, ни больше. Через четыре дня я вернусь за обещанным.

Едва бог коварства покинул покои госпожи, я поспешила за ним. Настигнув его у лестницы, я схватила его за руку, вынуждая остановиться.

— Стой!

Локи вопросительно изогнул бровь. Его взгляд был холоден, как лед.

— Чего еще ты хочешь от меня?

— Я намерена сопровождать тебя.

— Отказано.

— Это не предмет для обсуждения, — возразила я, с вызовом приподняв подбородок.

— Еще раз: нет, — прошипел Локи, нависая надо мной. — Ты будешь только путаться под ногами.

— Ты ошибаешься. Я могу быть полезной.

— Сомневаюсь. Оставайся здесь и дожидайся моего возвращения.

— Твое упрямство – это постоянная черта?

— Лишь когда того требует обстановка, — ответила я и поспешила во двор, пока смелость не покинула меня окончательно.

Локи, казалось, был несколько сбит с толку моей дерзостью. Ему никогда прежде не приходилось сталкиваться с подобным неповиновением. С легкой усмешкой он двинулся следом.

Нам вывели оседланных коней. Мы вскочили в седла. Но едва мы тронули поводья, как я заметила Канута, спешащего к нам. Он поравнялся с нами и протянул мне увесистую седельную сумку.

— Что это? — спросила я.

— Еда и теплый плащ, — коротко ответил великан. — Ночи еще холодные.

— Благодарю, — сказала я, пристегивая сумку.

— Береги себя, — ответил он и, одарив Локи грозным взглядом, быстро ушел.

Локи проводил его задумчивым взглядом и повернулся ко мне.

— Раз уж ты увязалась за мной, запомни одно: слушай меня без возражений.

— Посмотрим, — ответила я, подбирая поводья.

Локи тяжело вздохнул и повел своего коня прочь из деревни. Я последовала за ним.

Глава 4

Весь день мы провели в дороге, преодолевая бесконечные изгибы пути, что вел нас сквозь поросшие густым лесом холмы. Небо на западе пылало, окрашенное заходящим солнцем в багрянец и золото. Впереди, на фоне этого величественного зрелища, отчетливо выделялся темный силуэт Локи.

Вскоре он свернул с дороги и остановился. Я подъехала к нему, чувствуя легкую усталость.

— Остановимся здесь на ночь, — сказал он, спрыгивая с коня.

Я не стала спорить. Тело болело, напоминая о свежих ранах после недавней схватки, и я была благодарна этой передышке.

Спешившись, я потянулась, разминая затекшие конечности. Расседлав лошадей и дав им воды, я занялась лагерем. Собрав сухие ветки, я безуспешно пыталась развести огонь.

Локи, наблюдавший за моими тщетными стараниями, щелкнул пальцами, и ветки мгновенно вспыхнули, прогоняя мрак.

Устроившись около небольшого костра, мы принялись за наш скромный ужин из хлеба, сыра и сушеного мяса.

— Не боишься? — спросил Локи. Его взгляд, казалось, проникал сквозь языки пламени прямо в душу.

— Чего именно? — ответила я, делая глоток из фляжки, чтобы скрыть волнение.

— Путешествовать со мной. Я ведь не самый надежный спутник, — усмехнулся он с горькой самоиронией.

— Твое имя окутано легендами, и все они внушают страх, — ответила я, стараясь говорить спокойно. — Но я решила идти с тобой. Значит, готова к тому, что это может быть непросто.

Он внимательно посмотрел на меня, словно пытаясь прочесть мои мысли.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда будь готова ко всему.

Наступила тишина, каждый из нас погрузился в свои размышления. Ночную тишину нарушали лишь звуки природы.

— Локи, почему ты решил помочь? — спросила я.

— Да все просто. Если бы я не согласился, ты, рискуя всем, даже своей жизнью, пошла бы искать ведьму.

— Ты имеешь в виду шаманку?

— Нет. Именно ведьму. Шаманка не может создавать проклятия, тем более усиливать их божественными побрякушками.

— Вот чего не могу понять. Почему ты просто не разрушил это проклятие?

— Все гораздо запутаннее, чем кажется на первый взгляд. Магия, как и наука, имеет свои законы. Проклятие – это не просто досадная помеха, а серьезное повреждение. Если мы просто уберем медальон, не исцелив рану и не устранив причину, проблема никуда не денется, а будет только усугубляться. Ведьма забрала у твоей подруги слишком много жизненных сил. Без их восстановления проклятие лишь ослабнет, но не исчезнет полностью, продолжая представлять опасность.

— И как ты собираешься заставить ее вернуть украденное?

— Я еще в процессе гениального озарения. Но, не сомневайся, решение будет найдено.

— А если твой гений даст сбой?

— Мой гений не дает сбоев.

— Ты слишком самоуверен.

— Нет. Я просто читаю людей как открытую книгу. Вам всем, без исключения, нужны одни и те же игрушки: богатство и власть.

— Как банально. Мне, например, ничего из этого не нужно. Я всегда грезила о месте, которое могла бы назвать своим домом. А ты, чего жаждешь ты?

Лицо Локи потемнело. Он не отрывал глаз от пламени, и его слова, почти заглушенные треском костра, прозвучали как мучительный шепот.

— Хочу, чтобы меня перестали клеймить чудовищем. Чтобы люди видели во мне не только тьму.

Я изумленно моргнула. Эти слова совершенно не вязались с образом бога обмана и хитрости.

— Но ведь ты причинял страдания, Локи. Ты совершал ужасные поступки.

— И я расплачиваюсь за это, — его голос стал тверже, но горечь не исчезла. — Но вам, смертным, этого не постичь. Для вас есть закон искупления.

Он поднялся и растворился в ночи, оставив меня наедине с давящим грузом его исповеди.

Слова Локи, словно призрачные тени, танцевали в моем разуме, переворачивая с ног на голову все мои представления о нем. Бог обмана, архитектор хаоса и разрушения – и вдруг такая хрупкая уязвимость, такое отчаянное стремление быть понятым.

— Закон искупления, — прошептала я, повторяя его последние слова. Для смертных, да. Мы живем, совершаем ошибки, учимся, раскаиваемся и, если повезет, находим путь к прощению. Но для богов? Для тех, кто существует вне времени и пространства, чьи деяния имеют куда более масштабные последствия? Неужели для них нет такой возможности?

Я посмотрела на угли, которые еще недавно были ярким пламенем. Они медленно гасли, превращаясь в пепел. Подобно тому, как огонь может уничтожать, он может и очищать, давая начало новой жизни. Но для Локи, казалось, этот процесс был недоступен. Его прошлое, его поступки, казалось, навсегда приковали его к роли "чудовища" в глазах мира.

Подкинув в затухающий костер дров, я укуталась в плащ и, свернувшись калачиком, задремала.

***

Мой сон был грубо прерван пронзительным ржанием лошадей. Я резко открыла глаза, оглядываясь в панике. Локи пропал. Кони, стоявшие чуть поодаль, беспокойно стригли ушами и били копытами. Моя интуиция забила тревогу, предчувствуя неминуемую беду. И она не подвела. Воздух в стороне от меня задрожал, и из ниоткуда возник сгусток черного тумана, стремительно увеличиваясь. Из образовавшегося портала вывалились двое здоровенных мужиков. Огромные, в мехах, с чудовищными секирами и рогатыми шлемами, они выглядели крайне враждебно.

— Доброго утречка, — сказала я, потихоньку отползая и пытаясь нащупать меч.

— Где Локи? — низкий голос одного из них пронзил тишину.

— Не понимаю, о ком вы, — ответила я, поднимаясь и сжимая меч. Кто они такие, я понятия не имела, но нутром чуяла: если скажу правду, будет только хуже.

— Не стоит лгать.

Один из воинов обошел лагерь, внимательно осматриваясь. Вернувшись, он сообщил напарнику:

— Он был здесь. Ушел чуть больше часа назад. Успеем его поймать, если поторопимся.

— А что будем делать со смертной?

— Убьем ее. Она бесполезна.

— Эй, я вас слышу! И я решительно против любых физических посягательств на мою скромную персону!

Мои слова остались неуслышанными. Воины надвигались на меня, стараясь загнать в угол. Я чувствовала, как надежда угасает, сменяясь ужасом. Увернувшись от одного из нападавших, я тут же оказалась в стальных объятиях другого. Мои судорожные попытки вырваться лишь подпитывали их жестокое веселье. Привязав меня к дереву, они начали выбирать способ пытки, остановившись на ослеплении.

Один из них, словно хищник, вцепился в мои волосы, заставляя поднять голову, пока другой достал из огня тлеющую ветку. Он медленно поднес ее к моему лицу. Жар и боль были невыносимы, кожа обуглилась, и воздух наполнился запахом горелой плоти. Я инстинктивно дернулась, и это позабавило моих мучителей. Поняв, что могут продлить мои мучения, они вновь раздули костер, и раскаленные кинжалы стали новым инструментом их пыток. Этот ад казался бесконечным. Я зажмурилась, подавляя крик, рвущийся из груди. Мир на мгновение исчез, но ледяная влага из фляжки вернула меня к мучительной реальности.

Агония продолжалась.

Мое лицо было истерзано до неузнаваемости, запястья кровоточили, когда незнакомцы решили перейти к кульминации.

Однако раскаленный докрасна клинок так и не достиг своей цели. Издав булькающий звук, громила осел к моим ногам, и я увидела торчащий из его шеи кинжал.

Его сообщник, ошеломленный, растерянно оглянулся, и в следующее мгновение его тело вспыхнуло, охваченное ярким, пожирающим пламенем. Крик, сотканный из ярости и нечеловеческой боли, разорвал утреннюю тишину, но тут же оборвался, оставив лишь призрачное эхо.

Я почувствовала, как ослабевают путы, и чьи— то бережные руки подхватили мое обмякшее тело.

— Прости. Я не предполагал, что они прибегнут к пыткам.

Ледяные глаза встретились с моими, и я провалилась в блаженную пустоту, в которой не было ни боли, ни страха.

***

Реальность обрушилась на меня с мучительной силой. Лицо горело огнем, руки ныли от боли, а тело, скованное неудобной позой, казалось чужим. Открыв глаза, я увидела, что сижу верхом, прижавшись к Локи.

— Как ты? — спросил он, не глядя на меня.

— Терпимо, но бывало и лучше.

Он замолчал, и его лицо превратилось в непроницаемую маску. Мы продолжали путь по широкой дороге, петляющей вдоль реки. Вокруг возвышались величественные скалы и простирались бескрайние густые леса. Небо, затянутое свинцовыми тучами, грозило обрушиться на нас проливным дождем. Над водной гладью клубился легкий туман, придавая окружающей нас природе таинственности.

Тишина, растянувшаяся на долгие мгновения, стала почти невыносимой. Вздохнув, я решила нарушить это гнетущее безмолвие.

— Кто были те люди? — спросила я, пытаясь найти более удобное положение.

— Ищейки Одина.

— И чего они хотели?

Локи перевел на меня взгляд. Его глаза сверкнули, но в них не было прежней насмешки.

— Ты действительно хочешь знать?

— Да.

— Им был отдан приказ вернуть Слезу Имира и меня в Асгард.

— Объясни, что в ней такого особенного.

— Она — сама суть первозданной магии, существовавшей до начала времен. В ней сокрыта сила, способная как созидать, так и разрушать, в масштабах превосходящих всякое понимание. Представь, что ты обладаешь властью над самой реальностью. Ты можешь переписать прошлое, создать новые вселенные или стереть существующие. Сила, что способна исправить ошибки минувшего или выковать новое будущее. Искушение, которому трудно противостоять. Один стремится вернуть ее, чтобы навсегда спрятать от мира. И меня — вместе с ней.

— Зачем тебе понадобилась такая сила?

— Не твоего ума дело.

— А вот тут я с тобой не согласна. Эта сила… она слишком велика. Даже для тебя.

В тот же миг я почувствовала, как Локи напрягся, словно струна.

— Ты ничего не знаешь обо мне. Не знаешь, на что я способен, насколько силен. Так что не тебе судить, по силам мне это или нет.

— Ты прав, я не знаю, но понимаю. Она — твое бремя.

— Думаешь, что понимаешь. Ошибаешься. Это не бремя. Это… необходимость.

— Необходимость для чего? — спросила я.

Он вновь умолк, и на этот раз тишина, что повисла между нами, была не пустотой, а скорее предвестником чего— то большего, наполненной невысказанными обещаниями и скрытыми истинами.

Мы продолжали наш путь, и я больше не пыталась нарушить его покой. Я лишь наблюдала, пытаясь сквозь его холодность и отстраненность увидеть ту суть, что он так тщательно скрывал.

Когда сумерки окончательно сгустились и мрак поглотил окрестности, Локи направил коня с дороги прямо в лесную глушь. Спрыгнув, он помог мне спешиться, и я в очередной раз поразилась, как за обманчивой хрупкостью его облика скрывается невероятная мощь.

— Дальше идем пешком, — произнес он, вглядываясь в лесную чащу. — Держись рядом.

Пронизывающий холод и густая тьма, казалось, обволакивали нас, а вскоре к ним присоединился и моросящий дождь. Обладая способностью видеть в ночи, я сумела различить едва различимую тропу. Время от времени мимо нас проносились тени лесных обитателей.

На секунду мне показалось, что мы заблудились. Но потом деревья расступились, и я увидела маленькую хижину, которая почти вросла в землю. Было видно, что там давно никто не живет: крыша покосилась и заросла мхом, в окне была черная дыра, а стены обросли зеленью. Как только я сделала шаг к этому старому домику, Локи крепко сжал мою руку.

— Не спеши, — прошептал он. — Нужно подумать. Ведьма знает, что мы здесь, и готова.

— Но ты же бог. Ты можешь справиться с любой магией!

— Даже боги имеют свои пределы, особенно когда речь идет о силах, которые они не до конца понимают, — ответил он.

Я не могла поверить своим ушам. В голосе Локи, бога обмана и хитрости, который не раз ставил на кон судьбы миров, сейчас звучал страх. Это было настолько абсурдно, что я едва не рассмеялась. Но его взгляд был серьезен, и в нем читалось нечто большее, чем просто предостережение.

— Но Локи, мы не можем просто стоять здесь! Зельма умирает! — мой голос дрожал от смеси отчаяния и возмущения.

— Эта ведьма очень могущественна. И она не позволит нам просто так получить желаемое. Нужно действовать хитростью, а не грубой силой.

Скрипучий голос старухи, словно скрежет, прервал нас.

— Ну что? Каков ваш план действий?

Мы обернулись. В дверном проеме стояла ведьма. В ее глазах читалась насмешка.

Локи шагнул вперед.

— Какой приятный сюрприз, Ульрика. Не ожидал, что встречу именно тебя.

— Да брось. Для тебя это не было тайной. Мог бы и в гости заглянуть.

— Было много дел.

— Подождите. Так вы знакомы?

— И довольно близко, — усмехнулась ведьма. — Так зачем ты явился сюда?

— Мне стало известно о проклятии, которое ты наложила на смертную.

— И что с того? С каких пор тебя волнуют подобные мелочи?

— Разве это имеет значение? Не могла бы ты снять его?

— С радостью, но только если ты отдашь мне эту девушку.

— Зачем она тебе? Насколько я знаю, тебе нужны жизненные силы. А у нее они крайне ничтожны.

— Ты так думаешь? — усмехнулась ведьма. — Неужели она не поделилась с тобой своим маленьким секретом?

— Это лишь предположение… — перебила я ведьму.

— Нехорошо обманывать, милая, — промурлыкала Ульрика, ее глаза блеснули зловещим огоньком. — Я чувствую, как в тебе пульсирует эта сила.

Локи перевел взгляд с ведьмы на меня.

— О чем она говорит?

— У твоей смертной не одна жизнь, а целых девять, — услужливо пояснила ведьма, видя мое замешательство. — Она может возродиться в одном и том же теле целых девять раз. И с каждым разом ее жизненная сила будет только расти.

— Это правда? — спросил он, не сводя с меня взгляда.

— Локи, это всего лишь теория. Что если она ошибается?

— Тогда ты умрешь. Зато спасешь свою госпожу, — не унималась колдунья. — Ну что? Готова принести себя в жертву ради названной сестры?

Я умоляюще смотрела на бога коварства. Локи тяжело вздохнул и повернулся к старухе.

— Ты не получишь ее. Назови другую цену.

— А что ты можешь мне предложить взамен? — Ульрика прищурилась. — Твоя магия, конечно, впечатляет, но я не думаю, что ты готов пожертвовать ею ради какой— то смертной.

— Я готов на многое, — прорычал Локи, и воздух вокруг него заискрился. — Сними проклятие, и мы разойдемся миром. Иначе…

— Иначе что? — ведьма подняла бровь, явно наслаждаясь его раздражением. — Ты попытаешься меня убить? Думаешь, это так просто? Я видела, как боги приходят и уходят. А я остаюсь.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Ты не получишь ее, — повторил Локи, и его голос стал еще более напряженным. — Назови другую цену, и я готов ее заплатить.

— Как интересно, — ведьма усмехнулась, и ее глаза сверкнули в полумраке. — Ну, если ты настаиваешь, можем обсудить детали новой сделки в моем доме. Ты можешь войти, а она пусть ждет здесь.

Оставшись в полном одиночестве, я почувствовала, как страх сковал мои колени. Воздух вокруг был пропитан ароматом трав и ощущением чего— то древнего, зловещего. Из дома доносились неразборчивые голоса. Каждая минута казалась бесконечной. Внутри нарастало чувство вины за свою маленькую ложь. Ведьма была права только отчасти. В моем арсенале осталось всего три жизни, и я дорожила каждой из них.

Я устроилась под деревом и поплотнее запахнула плащ, стараясь согреть озябшие пальцы. Поглощенная мыслями, я незаметно для себя уснула.

Локи

Переступив порог, Локи очутился в густом полумраке колдовского логова. Ульрика, с дымящейся кружкой в руках, сидела за грубым деревянным столом. При виде гостя на ее лице появилась хищная, предвкушающая улыбка.

— Ну вот, теперь мы одни, можно и поболтать. Честно говоря, не ожидала, что ты примеришь на себя роль спасителя.

— Приятно знать, что все еще способен удивлять, — ответил Локи, устраиваясь за столом. — Но сделай милость, ответь на мой вопрос. Зачем столько усилий ради того, чтобы заполучить смертную?

— Думаешь, я все это затеяла ради нее?

— А разве нет?

— Милый, — ведьма отодвинула кружку и подалась вперед. — Даже все ее девять жизней – ничто по сравнению с тем, чего я жажду на самом деле.

— Просвети.

— Изволь. Ты ведь знаешь, что я полукровка, унаследовавшая от отца свои силы, но не бессмертие. Но мне стало известно, как это изменить.

Локи склонил голову набок. Его глаза изучали ведьму, а на губах играла легкая усмешка.

— Неужели ты нашла способ обмануть саму смерть?

Ульрика усмехнулась, окинув взглядом лицо бога обмана.

— Можно и так сказать. Мне нужен первозданный источник магии, не тронутый временем и искажениями, который сможет переписать саму ткань моего бытия. Я жажду не просто продления жизни, а полного преображения ее природы. Чтобы стать... совершенной.

— И ты думаешь, эта смертная – ключ к твоему бессмертию?

— Она, безусловно, привлекательна, особенно с учетом растущего в ней божественного начала, — ведьма пожала плечами. — Но даже это не приведет меня к цели. Мне нужно нечто большее. Мне нужен... бог.

Локи застыл, его улыбка сменилась тревогой.

— Бог? Ты собираешься замахнуться на божественное?

— Не просто замахнуться, милый. Я намерена впитать его мощь, слиться с ним воедино. И тогда… тогда я встану вровень с вами. Или даже возвышусь.

На мгновение в комнате повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в очаге. Локи медленно поднялся, его взгляд стал холодным и пронзительным.

— Ты говоришь о том, чтобы убить бога, Ульрика. Это не просто амбиции, это безумие.

— Безумие? — рассмеялась ведьма. — А разве не безумие – быть полукровкой, обреченной на короткую жизнь, когда в твоих жилах течет божественная кровь? Я просто хочу взять то, что мне причитается.

— Так кто же этот бедолага, которого ты выбрала в жертву? — голос Локи звучал опасно тихо.

— Тот, кто пришел ко мне сам. Тот, кто сидит прямо передо мной.

Локи почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Он медленно опустился на стул, не сводя глаз с ведьмы.

— Ты хочешь поглотить меня? — в его голосе сквозило недоверие. — Ты действительно думаешь, что сможешь это сделать?

Ульрика откинулась на спинку стула, ее улыбка стала еще шире.

— Дорогой, я не просто думаю. Я знаю. Твоя магия, твоя сущность – они идеально подходят. Ты бог обмана, перемен, хаоса. Твоя сила не привязана к жестким правилам, она текуча, податлива. Идеальный ингредиент для моего преображения.

— А если я откажусь? — его голос был едва слышен.

— Твоя подопечная под моими чарами. Откажешься – выжму досуха.

Локи молчал. Его взгляд блуждал по лицу Ульрики, пытаясь найти в ее словах подвох. Но она говорила с такой убежденностью, с такой страстью, что это пугало.

Он поднялся, неторопливо обходя стол. Его движения были грациозны, но в них таилась явная угроза. Он склонился к ней, и его голос превратился в шепот, пропитанный стальной решимостью.

— Ты вознамерилась поглотить бога? Стать чем— то большим? Прекрасно. Только вот ты выбрала не того. Ты рассуждаешь о смене правил, Ульрика, но кто сказал, что я собираюсь следовать твоим? Неужели ты думаешь, что я не понимаю, как работает магия?

— Локи, это твой шанс возвыситься. Шанс получить ту силу, о которой ты всегда грезил. Шанс перестать быть вечно на вторых ролях.

— Второй? — Локи издал смешок, лишенный веселья, но полный скрытой угрозы. — Я бог, Ульрика. Я Локи. Я меняю правила, а не играю по ним. И я не позволю тебе использовать меня.

— Очень недальновидно с твоей стороны отвергать столь выгодное предложение. Ведь на кону жизни девчонки и ее сестры. Что скажешь, бог хитрости? Неужели ты готов пожертвовать ими?

Ее тонкие, бледные пальцы, словно призрачные нити, потянулись к нему. Локи перевел взгляд с ее открытой ладони на пляшущие тени от огня, что искажали привычные очертания комнаты. В его сознании, словно в котле, кипели расчеты и опасения. Ульрика была не просто

умна, она была хищницей, способной на все. И он знал: если он не примет ее условия, девчонка станет лишь пешкой, которую она безжалостно сбросит с доски.

— У меня есть встречное предложение, — произнес он, тщательно взвесив каждое слово. — Я дарую тебе часть своей божественной искры. Этого хватит, чтобы сделать тебя практически неуязвимой для времени и смерти.

Ульрика погрузилась в раздумья. Предложение Локи, словно сладкий яд, искушало ее. Ее собственные магические резервы истощались с пугающей скоростью. Если бы коварный бог смог разглядеть ее нынешнюю уязвимость, ее участь была бы предрешена. С самого начала она терзалась сомнениями в успехе своего дерзкого плана. Но смертная стала ее козырем, который сыграл ей на руку. Даже обладая лишь отголоском его силы, она была уверена в триумфе своего плана.

— Сделка заключена, — произнесла Ульрика, и в ее голосе прозвучала едва уловимая нотка предвкушения.

Взгляд Локи был прикован к лицу Ульрики, когда он сжал ее дряблые пальцы. По его жилам разлилось чуждое, мучительное чувство – не просто обмен силами, а болезненное отторжение части его самого, словно кусок души вырывали с корнем. Он сжал кулаки, пытаясь скрыть гримасу, но глаза выдавали его внутреннюю агонию.

Ульрика же, напротив, преображалась. Ее бледность сменилась румянцем, морщины разгладились, а седые пряди стали роскошными каштановыми локонами. Она жадно, с наслаждением впитывала божественную эссенцию, и ее некогда дряхлое тело теперь сияло новой, мощной энергией.

— Великолепно, — выдохнула она, и ее голос, ставший глубже и обретя бархатистые оттенки, зазвучал по— новому. — Я чувствую. Силу. Вечность. Ты не лгал, бог обмана.

Локи лишь усмехнулся.

— Я никогда не обманываю, когда речь идет о сделках, ведьма. Только о намерениях. — Он отдернул руку. — Теперь, когда ты получила свое, освободи девчонок.

Ульрика медленно поднялась, ее взгляд скользнул по Локи, оценивая его с новой, проницательной остротой. В нем читалось нечто большее, чем просто хитрость – едва уловимое, но явственное высокомерие.

— Конечно. Но не сразу. Сначала я должна убедиться, что ты не передумаешь. И что твоя часть сделки работает, как обещано.

Локи почувствовал, как внутри него закипает гнев. Он знал, что она будет тянуть время, но не ожидал такой откровенной наглости.

— Ты играешь с огнем, ведьма, — прорычал Локи, его глаза сверкнули холодным пламенем. — Мое терпение не безгранично. Ты смеешь подвергать сомнению слово бога?

— Я рискую сомневаться в слове любого, кто носит титул бога обмана, — парировала Ульрика, и в ее глазах мелькнула искорка вызова. — Особенно, когда речь идет о моей новой жизни. Девушки подождут. Они в полной безопасности, пока ты не совершишь какую-нибудь глупость.

Она отступила на шаг. Ее силуэт вытянулся, обретя царственное величие, а в движениях зародилась новая, неведомая ранее грация. Локи понял, что он совершил ошибку, недооценив ее жадность и амбиции. Он дал ей не просто силу, он дал ей надежду на абсолютную власть. И теперь она не отпустит свой единственный козырь, который сдерживал его.

— Ты пожалеешь об этом, ведьма, — прорычал он.

— Возможно, — спокойно ответила Ульрика, улыбаясь. — Но не сегодня. Сегодня я наслаждаюсь твоим даром. А ты... ты можешь пока наслаждаться ожиданием.

Словно призрак, она растворилась в голубоватой дымке, оставив Локи наедине с танцующими языками пламени и тяжелым грузом понимания: он оказался пешкой в чужой, искусно разыгранной партии.

Его кулаки сжались так, что побелели костяшки, а гнев, осязаемый и пульсирующий, заставлял тени на стенах корчиться. Быть обманутым смертной ведьмой, которая теперь обладала частью его божественной силы, было невыносимым унижением.

Приблизившись к очагу, он завороженно смотрел на пляшущие языки пламени, видя в них горькое отражение собственной недальновидности. Он верил, что держит все под контролем, что всегда на шаг впереди. Но Ульрика оказалась хитрее.

"Девчонки подождут," – ее слова, словно ядовитые стрелы, вонзались в его разум, издеваясь над его просчетом. Он понимал, что их безопасность была гарантирована, пока они оставались ее залогом. Но он не мог допустить, чтобы его сила стала инструментом в ее безжалостных руках. Ему нужно было вернуть ее или, по крайней мере, обезвредить.

Взгляд Локи внезапно упал на полку, где лежал небольшой, искусно вырезанный деревянный амулет. Темное, почти черное дерево было покрыто древними рунами. Локи узнал их: это были символы магической защиты от чар.

Хищная улыбка тронула его губы. Возможно, его и провели, но он все еще был богом хитрости. И у него всегда был запасной план. Или, по крайней мере, способность быстро его придумать.

Локи сжал амулет, ощущая тепло дерева, словно пропитанного древней магией. Закрыв глаза, он сосредоточился, чувствуя, как его собственная, хоть и ослабленная, но могущественная сила отзывается на зов рун.

Он не мог просто забрать свою силу обратно. Это было бы слишком прямолинейно, слишком грубо. Но он мог исказить ее, изменить ее природу. Сделать так, чтобы она работала против Ульрики, а не на нее. Он мог превратить ее дар в проклятие.

Часть его божественной сути, которую он передал ведьме, была чистой энергией, способной даровать бессмертие и молодость. Но эта энергия была нейтральной. Локи мог придать ей направление, цель. Он мог сделать так, чтобы эта сила, вместо того чтобы питать Ульрику, медленно, но верно истощала ее, превращая в то, чего она больше всего боялась – в дряхлую, бессильную старуху.

Локи ощущал, как сила амулета поглощает его волю, а руны на нем зловеще мерцают. Это был опасный шаг: если Ульрика заметит его вмешательство, смертные будут обречены. Но Локи был готов на этот риск, не желая допустить ее победы. Когда амулет потух, вернувшись к виду простого дерева, Локи знал, что его замысел воплощен. Теперь оставалось лишь ждать, пока его "подарок" начнет действовать, и Ульрика осознает, что вместо вечной молодости она обрела медленную, мучительную гибель.

Он снова усмехнулся, но на этот раз в его улыбке не было горечи, только холодная, расчетливая злоба.

— Ты думала, что обманула меня, ведьма, — прошептал он в пустоту. — Но ты забыла, с кем имеешь дело. Я — Локи. И я всегда играю до конца.

Он вышел из дома. Его шаги были легкими и бесшумными. В его глазах горел огонь предвкушения. Игра только начиналась, и на этот раз он был уверен, что победа будет за ним.

Мара

Резкий толчок в плечо вырвал меня из объятий сна. На улице царила глубокая ночь. Дождь прекратился, и на прояснившемся небе сияла полная луна. В ее серебристом свете я разглядела того, кто так бесцеремонно нарушил мой покой. Надо мной склонился бог ковар-

ства. Он выглядел изможденным, слегка пошатывался, а его лицо было словно высечено из камня.

— Вставай.

— Что случилось? И где ведьма?

— Объясню, когда уберемся отсюда, — ответил он.

Я не стала спорить. Его тон не оставлял места для возражений, а усталость, отражавшаяся в глазах, говорила о том, что он пережил нечто серьезное. Я послушно поднялась, чувствуя, как холодный ночной воздух пробирает до костей. Лес встретил нас тишиной, нарушаемой лишь шорохом опавших листьев под ногами. Лунный свет пробивался сквозь густые кроны деревьев, создавая причудливые тени.

Наконец, мы выбрались из чащи и оказались на опушке, где оставили наших коней. Локи, не теряя времени, собрал сухие ветки и разжег костер. Я, дрожащая от пронизывающего холода, протянула к нему свои озябшие руки, жадно впитывая тепло.

— Так, может, прольешь свет на произошедшее? — мой вопрос, словно эхо, повис в ночном воздухе.

— Ульрика оказалась хитрее, чем я думал, — ответил он.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась я.

— Мы заключили сделку, но она нарушила ее условия.

— Значит, проклятье осталось?

— Да. И более того, ты тоже оказалась в ее ловушке.

От его слов по моей спине пробежал холодок. Я под чарами? Это было слишком невероятно, чтобы принять. Мозг отчаянно сопротивлялся этой информации. Я уставилась на Локи, пытаясь прочесть хоть что-то в его взгляде, но он лишь пристально смотрел на огонь, его лицо оставалось абсолютно бесстрастным.

— Но почему? — прошептала я, чувствуя, как внутри нарастает паника. — Зачем ей это?

Он медленно повернул голову в мою сторону, и в глубине его глаз мелькнул ледяной блеск.

— Ты — ее залог, — сухо произнес он. — Ульрика стремилась к могуществу. А ты, моя дорогая, оказалась идеальным рычагом давления на меня. Пока ей ничего не угрожает, ты в безопасности. Она уверена, что сумела навязать мне свои условия. Но ее ждет большое разочарование.

Мой взгляд был прикован к его лицу, я тщетно пыталась прочесть хоть малейший отблеск чувств, но он был абсолютно непроницаем.

— Локи, что это значит?

— Она недооценивает мою изобретательность и мою готовность идти на крайние меры, когда дело касается безопасности того, что принадлежит мне.

— Крайние меры? — повторила я, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь играть по своим правилам, — ответил он, и в его голосе прозвучала сталь. — Ульрика думает, что контролирует меня, но она лишь дала мне повод действовать. Она еще не осознала, но уже проиграла в своей же игре.

Я замолчала, размышляя над его словами. За это время я достаточно хорошо узнала Локи, чтобы понимать, что он не бросает слов на ветер. Его обещание играть по своим правилам означало, что правила Ульрики больше не имеют значения. И если она недооценила его, то это была ее роковая ошибка.

Над горизонтом забрезжил рассвет, когда из чащи леса выступила статная фигура. Она стремительно приближалась к нам. Лицо незнакомки было скрыто под глубоким капюшоном длинного плаща, но грациозность ее движений не оставляла сомнений: перед нами была женщина. Подойдя ближе, она замерла, предпочитая оставаться в тени.

— Вижу, мой сюрприз тебя не порадовал, — сказал Локи, не поворачивая головы. — Чего ты хочешь, Ульрика?

Женщина сбросила капюшон, открывая взору свое преображенное лицо.

— Что ты сделал со мной?! — выдохнула она сквозь зубы.

Ее глаза, некогда сияющие холодным расчетом, теперь горели безумным огнем, а кожа, прежде гладкая и безупречная, покрылась сетью тонких морщин, словно фарфоровая кукла, пережившая падение. От нее исходила аура искаженной силы, болезненной и чуждой.

Локи наконец повернулся, его взгляд скользнул по ее лицу, задержавшись на мгновение на этих морщинках. В его глазах не было ни удивления, ни сожаления, лишь привычная насмешка.

— Я лишь дал тебе то, что ты заслужила, — спокойно ответил он, его голос был ровным, без единой нотки злорадства. — Ты хотела могущества? Вот оно. Все твое. Но у любой силы есть своя цена, не так ли?

Ульрика сделала шаг вперед, ее плащ зашуршал по земле.

— Ты превратил меня в чудовище! — ее голос дрожал от ярости и отчаяния. — Это не сила, это проклятие!

— Чудовище? — Локи приподнял бровь. — Ты заблуждаешься. Ты хотела получить божественную силу, и я дал тебе желаемое. У нас была сделка, и я выполнил свое условие. Ты же возомнила, что сумеешь навязать мне свои условия. Но ведь я предупреждал тебя о том, что со мной не стоит играть.

— Ты заплатишь за это, Локи! — прорычала она, и воздух вокруг нее задрожал, словно от невидимой энергии. — Я заставлю тебя страдать!

— О, я не сомневаюсь, что ты попытаешься, — Локи улыбнулся, и эта улыбка была холодной и опасной. — Но прежде чем ты это сделаешь, ответь мне: зачем ты пришла? Неужели ты думала, что я испугаюсь? Или ты пришла просить о пощаде?

Ульрика издала звук, похожий на рычание раненого зверя.

— Я заберу у тебя все, Локи! — прорычала она, и ее голос теперь звучал глубоко и утробно, как у хищника. — И начну я с нее!

— Я бы посоветовал тебе тщательно взвешивать свои слова и действия. Если хоть один волосок упадет с ее головы, ты познаешь такую боль, о которой и не мечтала. Сними свои чары с этой смертной и освободи ее сестру от проклятия, и тогда, возможно, ты сможешь покинуть это место живой.

— Ты угрожаешь мне? — прошипела ведьма.

— Ты так и не поняла, что я никогда не бросаю слов на ветер, — Локи говорил тихо, и в его голосе слышался звон стали.

Ульрика, сжав кулаки, почувствовала, как по ее венам разливается жгучий гнев. Она не могла поверить, что этот самодовольный бог осмелился так с ней разговаривать. Ее магия, обычно послушная и мощная, сейчас казалась бесполезной перед его невозмутимым спокойствием. Она видела в его глазах не просто угрозу, а абсолютную уверенность в своих словах. Он не блефовал.

— Ты думаешь, что можешь диктовать мне условия? — ее голос дрогнул. — Я — Ульрика, ведьма из Северных Земель! Моя сила древнее, чем сами боги!

Локи лишь слегка наклонил голову, его взгляд оставался неизменным.

— Я не диктую условия, я ставлю перед тобой выбор.

Ведьма почувствовала, как холодный пот стекает по ее спине. Она знала, что Локи не шутит. Его репутация была известна даже в самых отдаленных уголках миров. Он был мастером обмана. Но когда дело касалось тех, кого он защищал, его слова становились тверже алмаза.

Ульрика закрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями. Она пришла сюда, чтобы отомстить. А теперь она стояла перед ним, униженная и побежденная. Ее гордость была растоптана. Но инстинкт самосохранения был сильнее. Она не могла позволить себе погибнуть здесь, от руки этого коварного бога.

Медленно, с огромным усилием, она подняла руки. Воздух вокруг нее начал мерцать, и из ее ладоней потянулись тонкие нити темной магии, которые, словно невидимые щупальца, потянулись к невидимой жертве. Локи наблюдал за ней, не отрывая взгляда, готовый в любой момент вмешаться.

— Пусть будет по— твоему, Локи, — прошипела она сквозь стиснутые зубы. — Но знай, это не конец. Я вернусь. И тогда ты пожалеешь, что оставил меня в живых.

Локи лишь усмехнулся. С последним всплеском темной энергии чары Ульрики рассеялись.

Она бросила на Локи последний, полный ненависти взгляд, а затем растворилась в воздухе, оставив после себя лишь легкий запах серы и горечи поражения.

Локи наблюдал за ее исчезновением. Он знал, что Ульрика сдержит свое обещание вернуться. Но он также знал, что в следующий раз он будет готов. И тогда, возможно, она действительно пожалеет о том дне, когда посмела с ним связаться.

Правда, если доживет до этого момента.

— Неужели все кончено? — спросила я, вслушиваясь в наступившую тишину.

— Да. Проклятья больше нет, — ответил бог коварства. — Но опасность еще не миновала. Ульрика забрала у нее слишком много жизненных сил.

— Что ты имеешь в виду?

— Если мы не вернем ей утраченное, Хель призовет ее к себе.

— Но как это сделать? — нахмурилась я.

— Предоставь это мне, — уклончиво ответил Локи.

Он замолчал, погрузившись в свои мысли. Тем временем я отлучилась к реке. Склонившись над водной гладью, я поморщилась, увидев, во что превратилось мое лицо. Алые и черные борозды на щеках и подбородке после заживления обещали превратиться в безобразные шрамы. Огромные волдыри вызывали отвращение. Я и без того не была красавицей, а теперь люди будут шарахаться от одного моего вида. Но уже ничего нельзя было исправить. Тяжело вздохнув, я умылась.

Вернувшись в лагерь, я обнаружила, что Локи уже оседлал наших коней и терпеливо ждал меня. Я забрала у него поводья и ловко запрыгнула в седло.

Обратный путь оказался короче, чем я ожидала. Мы не останавливались на ночлег, не устраивали привал. И уже к утру следующего дня въехали в деревню.

Во дворе главного дома нас встретил Алрик. Зельма была очень слаба, но все еще жива.

Локи спешился и поспешил наверх. Войдя в комнату, он приблизился к кровати. Склонившись над безвольным телом госпожи, он что-то прошептал, коснувшись померкшего янтаря.

Мы замерли. Прошло немало времени, прежде чем веки женщины дрогнули.

— Пить, — прошептала Зельма.

Аннели, которая все это время неустанно следила за ее состоянием, наполнила чашу родниковой водой и поднесла ее к потрескавшимся губам госпожи.

Я была на седьмом небе от счастья. Алрик, не в силах сдержать эмоций, обнял меня, слезы текли по его щекам.

Тихий голос Локи за моей спиной заставил меня подпрыгнуть от неожиданности.

— Смертная, нам нужно поговорить.

— Мара, — буркнула я, как будто это что-то меняло.

— Без разницы, — ответил бог коварства. — Жду внизу.

Я скорчила такую гримасу, что, наверное, могла бы напугать кого угодно, но он, бесшумно испарившись из спальни, этого не увидел. Убедившись, что с Зельмой все в порядке, я спустилась.

Локи застыл у очага, его взгляд был прикован к огню, а мысли, казалось, уносились куда — то далеко.

— О чем ты хотел поговорить?

— Сегодня ты покинешь этот мир.

— Что ты сказал? — я была ошеломлена.

— Что слышала.

— А если я не хочу?

Локи медленно повернулся, его глаза были холодны и непроницаемы. Он сделал шаг ко мне, и я невольно отступила.

— Твое желание не имеет значения. Это не просьба, а приказ. Ты покинешь Мидгард. Сегодня.

Я почувствовала, как внутри меня закипает гнев.

— Ты не можешь просто так решать за меня! Я не твоя собственность, Локи!

Он усмехнулся, но эта усмешка не достигла его глаз.

— Ошибаешься. Ты моя. И пока это так, ты будешь сопровождать меня повсюду. Если ты не пойдешь добровольно, я заставлю тебя. И поверь мне, ты не захочешь узнать, как это будет выглядеть. — Его взгляд скользнул по очагу, затем вернулся ко мне, и в нем мелькнуло что-то, от чего по спине пробежал холодок. — Выбор за тобой. Собирайся сама, или я соберу тебя.

Я сжала кулаки, пытаясь унять дрожь. Угроза была недвусмысленной, и я знала, что Локи не блефует. Он всегда добивался своего, и сейчас его решимость была пугающей.

— Ты не посмеешь, — прошептала я, хотя сама не верила в свои слова.

Он лишь поднял бровь, и в этом жесте было столько высокомерия, что я почувствовала, как кровь приливает к лицу.

— Посмею. И ты это прекрасно знаешь. Мое терпение не безгранично, смертная. У тебя есть час. Если через час ты не будешь готова, я приду за тобой. И тогда мы поговорим о твоем "нежелании" в другом месте.

После этих слов он удалился, оставив меня наедине с растущим возмущением. Хотелось высказать этому "божку" все, что я о нем думаю, но здравый смысл подсказывал: в данной ситуации риски могут быть слишком велики, и не только для меня.

Тихо выругавшись, я поспешила к Зельме.

Женщина, сидя в кровати, кормила сына. При моем появлении она приветливо улыбнулась.

— Проходи, дорогая, располагайся. Алрик поведал мне о твоем подвиге – спасении нашего первенца и меня самой.

— Я действовала не одна, — скромно ответила я.

— Ах, да. Мне доложили, что тебе содействовал сам Локи. Как же тебе удалось его убедить?

— Это оказалось на удивление просто. Зельма, мне необходимо тебе кое— что сообщить.

— Что-то стряслось?

— И да, и нет. Я вынуждена покинуть вас.

— Почему, милая? Разве тебе плохо с нами живется? Разве мы не приняли тебя, как родную? Разве мы тебя чем— то обидели?

— Конечно же нет! Вы стали для меня настоящей семьей! И я очень люблю нашу деревню и людей, которые здесь живут!

— Тогда я не понимаю, зачем тебе уходить? Если тебе кто— то угрожает, ты только скажи, мы тебя защитим.

— Нет. Мне никто не угрожает. Просто так сложились обстоятельства.

Я поведала Зельме о встрече с Локи и его настойчивом желании, чтобы я отправилась с ним. Она слушала очень внимательно.

— Теперь я понимаю. Но зачем ему понадобилось забирать тебя?

— Он не уточнил. Но я опасаюсь, что, если я не подчинюсь, он может навредить деревне и всем, кто здесь живет.

— Об этом не волнуйся. Наше племя находится под покровительством самого Одина.

— И все же, я не готова рисковать.

— Моя дорогая, я приму любое твое решение. Если ты чувствуешь, что должна идти с ним, я не стану тебя останавливать. Только пообещай вернуться. Я буду очень тосковать по тебе.

Не сдержавшись, я крепко прижала к себе эту маленькую, но сильную духом женщину.

— Обещаю.

— Тогда ступай. Алрику я все объясню сама.

С тяжелым сердцем я бросила прощальный, полный невысказанной печали взгляд на свою комнату. Быстро упаковав сменную одежду в дорожную сумку, я вышла из дома и направилась к бухте. Легкий ветерок приносил с собой свежесть моря и терпкий аромат хвойного леса. На безлюдном пляже, где волны ласково шептали, накатывая на песок, меня ожидал Локи.

Он неторопливо шагнул ко мне, и я в который раз отметила ту дикую, первобытную грацию, с которой он двигался. Я невольно засмотрелась. Все чаще я ловила себя на том, что тайком восхищаюсь его статью. И, честно говоря, Локи был чертовски хорош собой.

— И куда же мы теперь? — мой вопрос прозвучал скорее как констатация факта, чем истинное любопытство.

— Сначала надо кое— что выяснить. Для этого заглянем к одному моему знакомому.

— Прямо— таки исчерпывающе. Раз уж ты так хотел, чтобы я пошла с тобой, будь добр, объясни, что мне предстоит делать в твоих гениальных планах.

Его взгляд скользнул по мне, в нем читалась привычная надменность.

— Твоя роль, — наконец произнес он, и в его голосе прозвучала та самая интонация, которая раздражала меня, — заключается в том, чтобы быть рядом и не задавать лишних вопросов.

— То есть, я — твой живой реквизит? Или, может быть, ходячий детектор скуки?

Локи лишь усмехнулся, и эта усмешка, как всегда, была полна скрытых смыслов.

— Считай, что ты — мой компас. Или, если угодно, моя совесть. Хотя, признаю, последнее звучит абсурдно.

— Очень остроумно. Но если ты полагаешь, что я буду просто наблюдать со стороны за твоими махинациями, то ты глубоко заблуждаешься. Если хочешь избежать неприятностей, лучше посвяти меня в свои планы.

— Мои неприятности начались с нашей первой встречи, — усмехнулся Локи. — Так что хуже, чем сейчас, быть не может.

— Ты в этом уверен? Поверь, у меня еще есть сюрпризы, которые тебе вряд ли придутся по душе.

— В этом я не сомневаюсь. Хорошо, предлагаю тебе сделку. Чего бы ты хотела?

— У меня только одно желание. Прожить долгую и светлую жизнь в кругу тех, кто стал мне семьей, — ответила я не задумываясь.

— Отлично. Тогда вот мое предложение: ты будешь беспрекословно подчиняться мне. А я, в свою очередь, верну тебя сюда в целости и сохранности и больше никогда не потревожу.

Я нахмурилась. Доверять Локи было бы верхом безрассудства, но какой у меня был другой выход?

— Хорошо, Локи. Я согласна. Но ты должен поклясться, что выполнишь свою часть сделки.

Его губы изогнулись в хищной улыбке.

— Клятвы – это для смертных. Но я дам тебе свое слово. А оно, поверь, стоит больше, чем любая клятва.

Его рука, словно приглашение, протянулась ко мне. Без малейшего колебания я вложила свою ладонь в его, ощутив прохладу, которая, казалось, исходила из самой его сути. Его взгляд, прежде казавшийся мне лишь отражением чужих эмоций, теперь стал зеркалом его собственной, неведомой мне доселе глубины. В нем читалась игра, ставки в которой были высоки, а правила – неясны. На красивом лице расцвела улыбка, незнакомая мне доселе, и в этот миг я увидела перед собой не просто человека, а противника – острого умом, расчетливого и таящего в себе нешуточную опасность.

И вот с этого начались мои проблемы. С его улыбки… С этой чертовой улыбки…

Свартальвхейм

Глава 5

Локи вытащил из кармана небольшое устройство, и я с удивлением узнала портативный механизм для перемещений.

— Откуда у тебя такая штука? — нахмурилась я.

— Одолжил.

— Украл, — поправила я.

— Почему сразу украл? — притворно обиделся Локи. — Просто взял на время. Видишь ли, незаметно сбежать из Асгарда — это целая эпопея, достойная пера великого драматурга. Всевидящее око Хеймдалла — это не метафора, он реально видит всё, что движется по мосту, даже мои самые сокровенные мысли, наверное. Есть, конечно, пара дырок в системе, но это уже из серии "повезет — не повезет", с очень большим шансом на "не повезет" и летальный исход. А я, знаешь ли, предпочитаю жить, а не становиться частью чьей— то трагической баллады.

— А я— то думала, ты у нас любитель острых ощущений, — поддела я его.

— Острые ощущения — это одно, а самоубийство — другое, — Локи пожал плечами, и в его голосе прозвучала нотка цинизма. — Я предпочитаю быть живым и остроумным, а не мертвым и глупым.

— Очень сомневаюсь, — мой голос сочился язвительностью.

Но Локи проигнорировал это и активировал устройство.

— Прошу, — сказал он, пропуская меня вперед.

— Нет уж, ты первый.

— Не доверяешь?

— Ни капли.

Бог хитрости тяжело вздохнул и шагнул в мерцающий портал. Я последовала за ним, с тревогой предвкушая, что может скрываться по ту сторону.

Но реальность оказалась не столь мрачной. Величественные пики, устремленные в бездонное синее небо, казались нереальными. Снег, искрящийся под солнцем, создавал ощущение чистоты и первозданности. Холод пробирал не только тело, но и душу, намекая на то, что это место не для слабонервных. Локи, казалось, был совершенно спокоен, словно привык к подобным пейзажам.

— Ну что, впечатляет? — спросил он.

— Впечатляет, — призналась я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. — Но я все еще не знаю, где мы.

Локи усмехнулся.

— Скоро узнаешь. Но сначала нам нужно добраться до той долины. — Он указал на одну из низин, где темнели деревья. — Там нас ждет кое— что интересное.

Наш путь лежал по горному хребту. Мы пробирались по гребню, погружаясь в пушистые сугробы. Солнце стояло высоко, заливая мир своим светом. Перед нами расстилалась панорама царственных вершин, укрытых сверкающим одеялом. Снег под лучами солнца переливался, словно россыпь бриллиантов. Над нами раскинулось бездонное синее небо, чистое, как слеза. И где— то в этой небесной безмятежности звучал острый, зовущий крик орла.

Локи, словно тень, скользил вперед, выверяя каждый шаг по неровной поверхности. Я же, следуя за ним, ощущала постоянное напряжение, опасаясь коварных провалов и внезапных обрывов. У самой кромки вершины перед нами открылась гладкая, утоптанная тропа, ведущая вниз. Бог хитрости, с легкостью змеи, начал спуск, лавируя между острыми зубцами скал.

Моя удача покинула меня в тот же миг, как я ступила на утоптанный снег. Первый же шаг обернулся падением, и я, поскользнувшись, покатилась вниз по склону. Лицо моего спутника выразило целую палитру чувств — от недоумения до чистого ужаса, когда я с пронзительным криком пронеслась мимо него.

Коротко выругавшись и преодолев секундное оцепенение, Локи ринулся за мной. Но судьба сыграла с ним ту же шутку: через мгновение он уже летел следом, вздымая снежные вихри.

В какой— то момент мир перевернулся, и передо мной разверзлась бездна обрыва. Мои когти, выпущенные в отчаянной попытке затормозить, лишь скользили по ледяной поверхности. На долю секунды мне показалось, что наше путешествие оборвется, так и не успев начаться. Но спасением стал крошечный выступ, за который я, словно якорь, зацепилась, остановив падение. Задыхаясь, я вцепилась в холодный камень, боясь разжать пальцы.

— Мара, твою мать! — раздался голос Локи, несущегося прямо на меня.

Собрав остатки сил, я постаралась найти опору ногами. Отпустив камень, я со всей силы вонзила когти в промерзшую землю. Все мое тело напряглось, словно тетива лука. Удар был такой силы, что я почувствовала, как мои когти вспарывают твердую поверхность, выворачивая куски земли и камни. Но все же мне удалось удержать нас на самом краю пропасти, на волоске от бездны.

Мы лежали на самом краю обрыва, пытаясь прийти в себя. Локи, не мигая, смотрел в небо, и я поняла, что он был напуган не меньше моего.

— Ты как? — тихо спросила я.

— Трудно сказать, — ответил он. — Во мне сейчас борются два демона: один хочет свернуть тебе шею, другой — задушить в объятиях.

— Знаешь, мне оба варианта не по душе.

— Не сомневаюсь. Но других у меня нет.

— А как же признательность за спасение?

— То, что ты еще дышишь, уже красноречивее любых слов благодарности.

Мы замолчали, наслаждаясь тишиной и фактом того, что все еще живы. Через пять минут Локи начал подниматься, разминая позвоночник до хруста, словно пытаясь стряхнуть с себя пережитый ужас.

— Ну что, приключение продолжается? — спросила я, пытаясь разрядить обстановку.

Локи посмотрел на меня, прищурившись.

— Приключение? Ты называешь это приключением? Мы чуть не свалились в пропасть, Мара!

— Зато теперь мы знаем, что здесь есть обрыв, — парировала я.

— Гениально! — саркастически заметил он. — А я— то думал, мы просто так катались.

Я улыбнулась. Несмотря на весь кошмар, в его словах чувствовалась привычная ирония, и это немного успокаивало.

— Ладно, давай выбираться отсюда, — сказал Локи, протягивая мне руку.

Я ухватилась за нее, и он помог мне подняться. Но когда его пальцы сжали мою ладонь чуть сильнее, я невольно вскрикнула от боли. Локи нахмурился и, взяв мое запястье, осмотрел его.

— Не так уж плохо, — сказал он. — Раны серьезные, но не смертельные. Заживут за пару дней.

— Я— то знаю. Но что мне с этим делать? — Мои когти, из— под которых медленно проступала кровь, были ужасным зрелищем. Я отчаянно пыталась их втянуть, но они словно приросли. — Пока раны не затянутся, я не смогу их скрыть.

— Не проблема, — произнес Локи и легким движением рук создал пару кожаных перчаток. — Надень.

Я не стала возражать. Мягкая кожа плотно обтянула мои руки, и мучительная боль постепенно отступила. Мы продолжили путь. На этот раз Локи крепко сжимал мою руку. Спустя час мы вышли к огромному провалу, черневшему у подножия горного склона.

— Что это за место? — Я зябко поежилась.

— Это врата в Свартальвхейм, обитель величайших мастеров и оружейников. Кстати, нам бы не помешало сменить наряды, чтобы не привлекать излишнего внимания. — Локи едва заметно повел плечами, и его сияющие доспехи растворились, уступив место скромной тунике и штанам. Талию обхватывал широкий кожаный пояс с ножнами, а плечи укрыл длинный плащ, отороченный волчьим мехом. Вся его одежда, хоть и простая, выглядела добротно и сидела идеально. — Тебе тоже стоит сменить свои валькирийские латы на что-то попроще. Местные не слишком жалуют воительниц из Асгарда.

— Полагаю, если я буду совсем без одежды, внимания будет куда больше.

— Я не прошу тебя обнажаться. Просто измени свой вид.

— Ну конечно! У меня же в сумке целый гардероб! — язвительно процедила я, подчеркивая абсурдность ситуации.

Локи тяжело вздохнул и щелкнул пальцами. В мгновение ока я оказалась в провокационном костюме горничной: короткая пышная юбка едва прикрывала бедра, открывая вид на ноги в чулках с кружевными подвязками, а вместо меча в руках была перьевая метелка.

— Ты издеваешься?! — рявкнула я, срывая чепец.

— Да брось, выглядишь неплохо. Я даже позволил себе немного пофантазировать. Этот милый атрибут очень тебе идёт. — произнес он, и в его голосе слышался еле сдерживаемый смех.

Я оцепенела, ощутив, как тонкие пальцы нежно схватили… мой хвост?!

— Что ты сделал со мной? — Прошипела я, обнажая острые, как лезвия, когти. — А ну верни как было, иначе я вскрою тебя от пупка до носа.

— Звучит убедительно, — Локи отступил на несколько шагов, подняв руки. — Но знаешь, он тебе очень идет. Хотя здесь вряд ли оценят такой милый "аксессуар".

— Как и везде, — пробурчала я, чувствуя нарастающее раздражение.

— Не злись. Давай помогу.

Я скептически изогнула бровь.

— Ты? Поможешь? В чем? В том, чтобы сделать меня еще более заметной?

Он усмехнулся, и в его глазах заплясали озорные огоньки.

— Ну, я могу сделать его менее заметным.

Я тихо зарычала.

— Это уже не смешно! Убери его!

— С радостью, но за небольшую плату, — улыбка на его лице стала еще шире. — Я избавлю тебя от этой прелести, а ты окажешь мне услугу, когда это потребуется.

Я фыркнула.

— Звучит как сделка с дьяволом.

— Ну, я же бог обмана, — Локи пожал плечами. — Чего ты ожидала?

Я вздохнула. Выбора особо не было. Торчащий хвост привлекал бы слишком много внимания, а я меньше всего хотела быть в центре всеобщего любопытства.

— Хорошо, — сказала я, стиснув зубы. — Но если ты попытаешься меня обмануть, я не посмотрю на то, что ты бог.

Локи улыбнулся, и эта улыбка не предвещала ничего хорошего.

— Договорились.

Я ощутила легкое покалывание у основания хвоста, а затем он исчез. Попытавшись ощупать его, я обнаружила лишь ткань одежды.

— Ух ты, — выдохнула я. — Это… впечатляет.

— Я же говорил, — Локи самодовольно расправил плечи. — Ну что? Пошли?

— Подожди! Может, все— таки исправишь это безобразие? — я указала на свое нелепое одеяние.

— Извини, забыл, — Локи тут же сменил мой наряд на простое коричневое шерстяное платье и накинул на плечи длинный плащ с капюшоном, бережно укрывая им мои волосы. — Их лучше спрятать. Слишком необычный цвет для этой местности.

— Как скажешь, — сказала я, кутаясь в теплую ткань. — И куда теперь?

— Вниз. Цверги предпочитают подземные жилища, так как дневной свет для них губителен – обращает в камень.

— Послушай, а нельзя позвать твоего знакомого сюда? Ему ведь не обязательно выходить из пещеры.

— Нет, это исключено, — категорично заявил Локи, делая шаг в непроглядную тьму.

Его рука все еще крепко сжимала мою, поэтому я не могла остаться. Пещера оказалась не такой просторной, как показалось вначале. Она плавно сужалась, превращаясь в туннель, уходящий в самое сердце горы. Локи зажег небольшой магический огонек, который рассеивал мрак перед нами. После долгих блужданий в темноте впереди показался тусклый свет. Локи потушил фонарик, и перед моими глазами развернулась картина, от которой захватило дух: подземный город, суровый и величественный. Его очертания обрамляла могучая стена со сторожевыми башнями. Низкие жилища, словно выросшие из земли, были встроены в острые скалы, а в самом сердце города возвышался исполинский замок из гранита. Каменные мосты перекидывались между домами, а воздух наполнялся звоном кузнечных молотов и многоголосым гулом. Повсюду суетились невысокие, коренастые обитатели: одни в сияющих доспехах, другие – с обнаженными торсами.

— А тут на удивление красиво.

— Цверги — непревзойденные мастера, — ответил Локи. — Но к чужакам они относятся с крайней неприязнью. Их диалог с пришельцами обычно очень краток.

— Не скажи, — ответила я, увидев у ворот не только цвергов, но и представителей других рас.

— Все они — торговцы, приезжающие за редкими товарами, чтобы потом выгодно их перепродать.

— А эти тоже торговцы? — я кивком головы указала на группу высоких, худощавых людей в длинных черных плащах с капюшонами.

— Нет, это наемники. Лучше держаться от них подальше, — предостерег Локи.

— Интересно. Кого же они тогда считают чужаками? — пробормотала я.

— Любого, кто выше метра ростом. В Свартальвхейм лучше не соваться без крайней необходимости. Поэтому нам следует избегать излишнего внимания.

— Да здесь столько народу, мы же легко затеряемся!

— Это иллюзия. Поверь, здесь не так— то просто остаться незамеченным, особенно для чужака. Поэтому наша первая задача — найти Дагена.

— Зачем он нам?

— Он располагает информацией о местонахождении Ларса. К тому же, нам потребуется место для ночлега.

— Погоди, ты что, не знаешь, где живет твой друг?

— Я не знаю, где он сейчас находится, — поправил меня Локи.

— Тогда откуда такая уверенность, что он именно здесь?

— Его сюда сослали в качестве наказания, и он не может покинуть Свартальвхейм без разрешения. А теперь пошли.

Мы вошли в главные ворота. Издалека город представлялся скоплением разрозненных домиков, но вблизи это впечатление рассеялось. Оказалось, что мосты соединяли не просто отдельные жилища цвергов, а целые городские кварталы. Локи целеустремленно шагал вдоль строений, стараясь держаться в тени, а я, не отставая, с любопытством изучала окружающий пейзаж.

Наше путешествие завершилось в тупике улицы, где царила относительная тишина, почти не нарушаемая звоном кузниц. Локи подошел к внушительному зданию и, не постучав, распахнул дверь. Мы вошли в обширную залу, стены которой были увешаны гобеленами, изображающими сцены ожесточенных битв. Помещение было довольно пустынным: огромный камин, несколько столов и искусно вырезанных стульев с высокими спинками, а также величественная лестница, ведущая на верхний этаж. Стены освещались дрожащим, неровным пламенем факелов. Из полумрака выступила невысокая, крепко сбитая гномиха. Ее огненно— рыжие волосы, собранные в толстую косу, ярко выделялись на фоне запачканного сажей и маслом серого платья, которое выглядело довольно неряшливо.

— Кто такие? — В голосе карлицы сквозили недовольные нотки.

— Нам нужно встретиться с Дагеном.

— Вас приглашали?

— Скажем так, мы старые знакомые.

— У моего отца нет знакомых. Ни старых, ни новых. А ну проваливайте, пока я не спустила собак.

— А если договоримся? — Локи одарил ее своей самой обворожительной улыбкой.

Я с изумлением наблюдала, как в глазах гномихи вспыхнул огонек, а ее губы расплылись в глуповатой улыбке, выдающей влюбленную простушку.

— Ну так что? Позовешь папочку? — промурлыкал бог хитрости.

— Я бы с радостью, сладенький, но его нет дома. Еще вчера ушел к старому Эббе и, похоже, перебрал.

— Тогда, может, позволишь нам подождать его здесь? — Локи не отрывал взгляда от цверги. — Уверен, в обществе такой красавицы время пролетит незаметно.

Рыжеволосая вспыхнула, как маков цвет, и принялась кокетливо поправлять пряди.

— Ах ты, льстец! Знаешь, как покорить девичье сердце! Проходите, присаживайтесь. А я пока принесу что-нибудь перекусить.

Мы заняли места за столом.

— Что это было? — спросила я, сбрасывая капюшон и вытягивая уставшие ноги.

— Искусство убеждения, дорогая.

— И ты думаешь, она поверила? Вся эта чушь про красавицу и пролетевшее незаметно время? — Я скептически изогнула бровь.

— Люди склонны верить в то, что льстит их самолюбию, — невозмутимо ответил он. — Особенно те, кто, возможно, нечасто слышит подобные комплименты. К тому же, она явно скучает. А скучающие люди более податливы безобидным чарам.

— Значит, ты воспользовался магией? — в моем голосе прозвучало осуждение.

— Я лишь ускорил процесс, — пожал плечами Локи. — Без этого маленького фокуса мы бы до сих пор стояли у порога, препираясь с ней. А так, у нас есть крыша над головой, еда на подходе и время, чтобы дождаться ее отца. Разве это не эффективно?

Я вздохнула, признавая его правоту, хоть и с неохотой.

— Эффективно, да. Но не очень честно.

— Честность – это роскошь, которую не всегда можно себе позволить, когда нужно добиться цели, — парировал он. — Особенно в таких местах, как это. К тому же, я не сказал ничего, что было бы абсолютной ложью. Она ведь действительно... своеобразна.

Я не удержалась от смешка.

— Своеобразна? Это ты так называешь гномиху, которая выглядит так, будто только что вылезла из шахты?

— Именно, — кивнул Локи. — И в ее глазах, возможно, я был первым, кто увидел в ней нечто большее, чем просто рабочую силу. А это, поверь мне, дорогого стоит.

В этот момент вернулась гномиха, неся на подносе несколько кружек и тарелку с вяленым мясом и жестким хлебом. Она поставила угощение на стол, ее щеки все еще пылали румянцем.

Она присела рядом с Локи, совершенно не обращая на меня внимания. Бог коварства, в свою очередь, то и дело осыпал девушку комплиментами.

Я почти не слушала их, утоляя голод. Насытившись, я сладко потянулась.

— А здесь не найдется комнаты, чтобы немного поспать? — спросила я, потирая глаза.

Гномиха смерила меня презрительным взглядом. Но перспектива оказаться наедине с Локи оказалась более заманчивой, чем поставить наглую девицу на место, которая так бесцеремонно вторглась в их разговор.

— Под лестницей есть свободная комната. Можешь отдохнуть там, — сказала она, подливая в кружку Локи эля.

Я благодарно кивнула, не обращая внимания на ее тон, и направилась к указанному месту. Комната под лестницей оказалась крошечной, но вполне уютной, с небольшой кроватью и парой полок. Я скинула с себя одежду и рухнула на матрас, мгновенно проваливаясь в сон.

Локи и Тор

Бог коварства провожал девушку взглядом, пока она не скрылась за дверью, едва улавливая болтовню рыжей цверги. Его разум был целиком занят ею, чьи глаза напоминали мокрый мох в священных лесах Асгарда. Он и сам не понимал, зачем притащил ее за собой. Ведь проверить слова ведьмы можно было и без ее присутствия, достаточно было получить пару капель ее крови. Но после того, что случилось с ищейками Одина, его охватил страх, что он не успеет вовремя. Эта упрямица не станет сидеть на месте, даже если сам Один прикажет. Скорее всего, она пошлет его куда подальше и сделает все по— своему. А видеть ее смерть или рисковать ее здоровьем – это было последнее, чего он желал.

Локи отчаянно убеждал себя, что его беспокойство вызвано лишь Слезой Имира. Но где— то глубоко внутри он чувствовал, что дело куда сложнее. Внезапно, пробиваясь сквозь неумолкающий гул города, до его слуха донесся едва уловимый рокот грома. Локи стиснул зубы, понимая, что это не игра его разума. Он вскочил, словно от удара, и выскользнул наружу. Мрак был плотным и непроницаемым, словно завеса. Но он знал, без тени сомнения: незваный визитер уже на пороге.

— Ты брат словно забыл, что такое свежесть. От тебя веет озоном, как от старой грозы.

Из-за угла показался высокий, атлетически сложенный мужчина. Его золотистые волосы, собранные у висков, открывали взору прекрасное лицо с изящными чертами, чуть полнова-

тыми губами и глазами, синими, как летнее небо. Это был Тор, бог грома, сын великого Одина и названый брат Локи.

— Ты надеялся, что здесь я не найду тебя, брат?

— Разве я тот, кто прячется? — Локи изогнул губы в снисходительной усмешке. — Твоя нерасторопность, однако, весьма показательна.

Тор шагнул вперед, и в полутьме его молот Мьёльнир вспыхнул, словно разряд молнии, пронзивший мрак. Локи, не выказав ни малейшего волнения, наблюдал за братом, а в его глазах искрились озорство и хитрость.

— Давай не будем раздувать проблему, — предложил Тор. — Сдайся, и я вымолю у отца прощение для тебя, если ты вернешь Слезу. Приди и покайся. Он тебя простит!

— Ты всегда так прямолинеен, Тор? — Локи отступил, его взгляд скользнул по грозному оружию, затем вернулся к лицу брата. — Неужели ты и вправду считаешь, что я настолько наивен, чтобы просто так отдать то, что я считаю своим?

— Локи, это не твое! Ты украл Слезу Имира, и это преступление против всех Девяти Миров! — Голос Тора, подобно раскату грома, сотряс пространство.

— Преступление? — Локи ответил смехом, холодным и острым, как осколки льда. — Или, быть может, это просто способ показать вам, что я способен на большее, чем просто быть шутом при великом Одине?

Он поднял руку, и в воздухе замерцали зеленые искры. Тор напрягся, готовясь к атаке. Он знал, что Локи непредсказуем и опасен, и недооценивать его было бы фатальной ошибкой.

— Верни Слезу, брат, — повторил Тор. Его голос опустился до угрожающего баса. — Иначе я заставлю тебя.

— Заставишь? — Локи изогнул бровь, в его голосе сквозила ирония. — Ты всегда был силен, Тор, но сила не всегда означает победу. Особенно, когда твой противник играет по своим правилам.

Тор с тяжелым вздохом опустил молот. Он не желал вступать в схватку с тем, кто не раз вытаскивал его из самых безнадежных ситуаций.

— Локи, умоляю, не заставляй меня поднимать оружие против тебя. В этом противостоянии не будет победителей. Мы оба это прекрасно понимаем. Просто верни Слезу, и я оставлю тебя в покое.

— Едва ли это возможно, — усмехнулся бог коварства.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня ее нет.

— Ты что? Потерял ее?! — Тор в замешательстве уставился на брата.

— Не совсем.

— Тогда где она?

— Она, как бы это сказать, обрела иное вместилище.

— Какое еще вместилище? — Голос громовержца звучал ровно, но в нем ощущалось нарастающее напряжение.

Локи пожал плечами, его усмешка стала еще шире.

— Это долгая история. И, боюсь, она не придется тебе по вкусу.

— Благодаря тебе у меня теперь хоть отбавляй свободного времени. Так что, выкладывай!

— Если тебе так уж любопытно, пойдем в дом. Ты так кричишь, что скоро вся стража сбежится, и тогда нам обоим будет не до разговоров.

Тор безмолвно последовал за Локи в полутемный дом. Цверга еще не успела убрать со стола, поэтому Локи разлил остатки эля по кружкам и жестом пригласил громовержца присесть.

— С чего бы начать, — сказал он, делая глоток.

— Можешь с самого начала, — прорычал Тор, сгорая от нетерпения.

— Хорошо. Однажды, на границе великой пустоты…

— Локи… Не испытывай мое терпение.

— Ладно, — притворно вздохнул бог коварства. — Вкратце: Слеза пребывает в теле смертной.

— Повтори, что ты сейчас сказал?!

— Что слышал. Когда мне пришлось срочно уносить ноги из Асгарда, я оказался в Мидгарде. Хеймдалл успел закрыть Биврёст, пока я еще спускался, и я рухнул с приличной высоты. Вот тогда— то я и потерял Слезу. Ее нашла смертная, которая не придумала ничего умнее, как только выпить ее.

— И каким образом мы ее теперь вернем?

Локи сделал глоток эля, глядя на пену.

— Это сложно. Слеза не просто в ней, она слилась с ней. Извлечь ее — значит убить смертную.

— И что тебя остановило?

— Тор, ты серьезно? — Локи был поражен.

— Более чем. Слеза представляет опасность! А уж находясь в теле обычного человека… Ты ведь не хуже меня осведомлен о незавидной участи, которая ожидает эту девушку.

— Ну, я бы так не сказал. Изначально я тоже придерживался такого мнения. Но вот что любопытно: слеза совершенно не причиняет ей вреда. А судя по тому, что мне поведала Ульрика, она даже укоренилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.